

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ **ДУРНИ
ВАВИЛОНСКИЕ**

«Даже Вавилонскую Башню не построить без гастарбайтеров...»

Даля Трускиновская

Дурни вавилонские

«Снежный Ком»

Трускиновская Д. М.

Дурни вавилонские / Д. М. Трускиновская — «Снежный Ком»,

Без чего нельзя обойтись в Древнем Вавилоне при строительстве легендарной башни? Конечно, без гастарбайтеров! И вот шестеро парней из далекой деревни завербованы для самой грязной и тяжелой работы – гонять тачки с глиной. Тяжко придется простакам в сложном мире, особенно, если они не хотят ничему учиться. А башни возводятся и рушатся, а вокруг – обман и предательство, и терпению парней приходит конец... «Талант Далии Трускиновской – фейерверк. Казалось бы, только привык к огромным тюльпанам, сотканным из света, а уже пора любоваться искрящимися фонтанами, огненными драконами или каруселью вертящегося пламени. Разнообразие жанров, владение любыми инструментами писателя, тонкий юмор, лирика чувств, безумие страстей... С какой книги начинать знакомство с Трускиновской? Да с любой! Берите эту – не пожалеете» (Г.Л.Олди).

© Трускиновская Д. М.

© Снежный Ком

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Далия Мейеровна Трускиновская

Дурни вавилонские

Часть первая

Наша Башня

– Вербовщики приехали!

Этот торжествующий вопль полетел от дома к дому, вдоль единственной нашей улицы.

Вербовщиков высмотрели с крыши – они шли маленьким караваном в два верблюда и четыре осла. Они приближались, а мы, бросив ведра и кирки на огородах, носились между домами, чтобы собрать всех и встретить их как лучших гостей.

Мы ждали их уже полгода – с того дня, как из Валь-Телля пришли к нам покупать скот. Мы удивились – люди из Валь-Телля были сытые, довольные, гладили себя по животам. Из Валь-Телля, про который говорили: эти с голоду блох едят! А у нас животов уже не осталось – одни мослы. И скот пришлось отдать чуть ли не задарма, Слыханное ли дело, два мешка проса за козу, которая, если ее откормить, будет давать полтора кувшина молока в день?

– Благодарите богов, что мы вообще о вас вспомнили, – так отвечали люди из Валь-Телля, когда мы пытались выторговать побольше. – Из чистого милосердия берем ваших ослов и коз, чтобы вы не уморили голодом бедную скотину.

– Откуда у вас деньги? – спросил дед Бен-Абру. – Вы-то сами что продали? Девушек? А потом побежите к нам за невестами?

– Мы отправили мальчиков на службу в столицу! – гордо сказали люди из Валь-Телля. – Приезжали вербовщики, сразу давали по десять серебряных сиклей и брали клятвенную запись у семьи, а потом сколько мальчик заработает, столько и пришлет, за вычетом своих расходов.

– И что, присылают?

– Когда мальчики возместили эти десять сиклей, стали присылать – кто по сиклю в месяц, кто по два. В прошлое новолуние пришел Анад Бен-Гуран, принес сорок сиклей для всего Валь-Телля, и его провожали два стражника из Халиль-Телля, чтобы разбойники не напали. И за это никому не нужно было платить! Каждая семья, кроме тех десяти, уже получила по два, а то и по три сикля, мы посоветались и решили купить скот. А когда опять пришлют деньги, мы возьмем невест, мы уже сговорились с Марталь-Теллем.

Они были такие счастливые, что смотреть тошно. Зависть – чувство дурное, но если завидует сразу вся деревня, то, может, боги сделают нам поблажку?

Вот почему мы ждали вербовщиков так, как ждут зимних дождей, чтобы откормить скотину на молодой траве.

И мы их дождались.

Их было двое, они приехали на хороших крепких ослах и сели на камни у нашего храма. Им даже не пришлось посылать крикуна Бугада по дворам – мы сами сбежались и обступили их. Два стражника, сопровождавшие их, отъехали в сторонку, туда, где мы привязали верблюдов. Там им приготовили походный шатер, поставили воду для омовения и постелили тюфяки для отдыха.

– Двенадцать сиклей – и ваши парни уже никогда не узнают летнего голода, – так сказали вербовщики, и я первый поднял руку.

Двенадцать тяжелых серебряных сиклей – это приданое для сестры, лекарства для матери и наш долг перед родом Бен-Алди. Когда еще за сестру будет выкуп! А полосатые одеяла,

покрывала, вышитые подушки, запястья и серьги должны быть уже теперь, чтобы свахи не проходили мимо нашего дома.

К тому же я заскучал – каждый день одно и то же! У нас большинство мужчин в большом городе не бывали, так и жили в Субат-Телле, знали только кирки и лопаты, чтобы обрабатывать огороды, да кожаные ведра, да пастушеские кнуты. Женщинам веселее – до свадьбы они живут в одном селе, потом их привозят в другое, а если женщина овдовевает – за ней приезжают из третьего села, а то и из города. Или скука, или голод – давайте уж что-нибудь одно, а когда они вместе – пора собирать дорожную суму и бежать без оглядки.

– Придется много работать, – предупредили вербовщики.

– Ничего, я крепкий.

– В первые месяцы – работать за еду, пока не возместишь двенадцать сиклей.

– Я знаю.

Мать сразу побежала к соседке Ануш, чтобы вместе с ней послать бегуна в Мир-Телль, – пусть присылают женихов к моей сестре Ниш и к соседкиной Баш-Баш. Но не сразу, девушек нужно немного откормить. Девушка на выданье должна быть кругленькая. Это потом она будет носить и рожать, носить и рожать, и отощает, как коза. А жених должен видеть пухлые щечки, как розовые яблочки. Тем более про людей из Мир-Телля говорят: привезли невесту на двух верблюдах. Они худых не любят.

Потом мать села чинить мою одежду, а отец и дед делали сандалии из самой толстой кожи, две пары. Бабка пекла лепешки – простые и с сыром.

Наутро мы ушли.

Нас было шестеро: Тахмад – самый старший и самый умный, Гамид – самый пронырливый, Абад – самый сильный, Левад – не такой умный, как Тахмад, и не такой сильный, как Абад, зато рассудительный и хороший работник, и Гугуд – самый младший. Ну и я – Вагад. Другие парни тоже хотели, но нельзя же оставлять деревню совсем без рабочих рук. Выбрали тех, кто из бедных семей, чтобы они помогли родне.

Идти было легко – вербовщики привели двух верблюдов, чтобы везти наши мешки и еду. Они в полдень давали нам отдых, а кормили так, что мы ощущали себя райскими жителями: утром миска горячей каши, вечером миска горячей каши, днем мы могли грызть свои лепешки, а еще нам дали финики и изюм!

– В столице каждый будет два раза в месяц есть мясо, и не мясо козла, который помер от старости, а баранину и курятину, – обещали нам. – И еще вам дадут рыбу.

– Что такое рыба? – спросили мы.

Вербовщики объяснили, что она живет в воде и оттуда не вылезает. Мы даже не поверили – как можно жить в воде? Тогда нам показали странное создание без лап и в чешуе, высушенное до каменной твердости.

– Но ведь для нее нужно очень много воды, – сказали мы. – Такой воды, которую не берут для питья, – кто же захочет пить воду, в которую гадят рыбы?

Вербовщики сказали, что есть большие реки, которые текут круглый год, и в них водятся рыбы разных пород.

– А на берегах сидят мохнатые и бьют в ладоши, – шепнул мне мой друг Гамид.

Мохнатые были бы нашими врагами, если бы их когда-нибудь увидели мужчины, а не старухи, которые бродят невесть где. Это они говорят, что мохнатые по ночам собираются в развалинах, пляшут и скачут. Мы пробовали их подкараулить у заброшенных домов Гаргам-Телля, но они пять ночей подряд не приходили. Так что их, скорее всего, нет на свете, как и рек, текущих круглый год. Река возникает после весенних дождей, это всем известно, – так решили мы, но спорить не стали – как бы нас за непокорство не отправили домой.

Мы шагали весело и распевали песни, особенно любимую, праздничную: «Мы идем, мы идем, мы козу с собой ведем, мы идем, мы идем, мы пирог с собой несем, мы идем, мы идем,

за невестами идем...» Еще мы пели о хромом Мумуде и его блудливой жене, о старом Шидаде и бодливом козле, так что вербовщики чуть не надорвали со смеху животы.

Через три дня мы сделали привал у колодца и целые сутки ждали вербовщиков из Барам-Телля. Они привели парней из Бен-Амид, наших родственников, Бен-Амид берет иногда у нас жен, но им не угодишь. Про людей из Барам-Телля говорят: эти искали козу о восьми сосках.

Дальше мы пошли все вместе. И тогда уже на седьмой день увидели вдали светлые, чуть желтоватые стены столицы с зубцами и башнями.

Это было вечером, и нас спросили, не хотим ли мы идти ночью, чтобы оказаться у ворот на рассвете. Ведь если мы придем утром, нас сразу внесут в списки, и мы получим вечернюю кашу, а если придем вечером – то в списки попадем утром, и утренней каши не получим, придется голодать до заката, а вербовщики нас в столице кормить уже не обязаны.

Мы пошли – и видели диво: во мраке над столицей стояло светящееся облако, и оно понемногу гасло. Перед рассветом мы спустились в ложбину, впереди встали высокие стены, и облако пропало.

Город был велик и внушал трепет. Перед ним был глубокий ров с водой, а за рвом – три ряда высоких и толстых стен со множеством башен, стен – одна выше другой, красивых, блестящих, и чем ближе мы подходили, тем яснее видели выложенные на стенах из разноцветных кирпичей фигуры животных и воинов.

Равнина перед городом была плоская, и мы шли долго, мимо пальмовых рощ и садов, и по левую руку увидели за деревьями белые стены. Нам сказали, что это летний дворец царя на берегу реки, и обещали, что реку мы тоже увидим и она нам еще надоест. Город всё рос и рос перед нами, и стены, что издали не казались чересчур высокими, вблизи нас даже испугали. Мы никогда не видели таких больших камней и даже не представляли, как их двигать.

Наконец дорога вошла в настоящее ущелье между двумя стенами и стала подниматься в гору. Нам сказали, что справа за стеной – северный дворец царя, а слева на стене помещения для городских стражников, которые охраняют ворота и подступы к дворцу.

Из стен торчали белые башни, а между ними были выложены цветными плитками картины, внушающие простому парню страх: по голубому полю гордо шли огромные свирепые львы, белые и золотые. И дорога была узкой, так что мы шли между рядами львов и невольно ежились. Потом дорога немного расступилась, и мы оказались на небольшой площади перед синими, как небо в жаркий полдень, городскими воротами, посвященными богине Асторет. Это были две здоровенные башни с аркой посередине, и они были украшены идущими по синему полю быками и драконами, тоже белыми и золотыми.

Стены по обе стороны ворот были такой ширины, как весь наш Субат-Телль! Нам сказали, что наверху по такой стене могут проехать в ряд четыре царские колесницы. На площади собралась толпа, стражники пропускали понемногу, и нам пришлось ждать. Гамид, самый языкастый, конечно же, полез к людям с расспросами, и ему объяснили – камни для стен передвигали на катках. То есть клали на землю круглые древесные стволы, ставили на них камни, и камни катились куда надо.

– Неужели тут столько деревьев? – удивились мы и всех насмешили.

За воротами был ров, который мы перешли по широкому мосту, и еще одна стена, пониже. Мы вошли в следующие ворота и оказались в городе. Он был так велик и шумен, что мы прижались друг к другу и встали, как испуганные бараны, не имеющие предводителя-козла. Потом нас успокоили, и мы прошли всю столицу насквозь, и вышли из ворот с другой стороны.

Нас удивило пространство между домами, широкое, длинное и ровное, выложенное плитками, белыми в середине и розовыми по бокам, и вербовщики объяснили: это дорога шествий, и таких дорог много, и они разделяют кварталы, а в каждом квартале уже другие улицы, узкие и кривые, проложенные так, как удобно хозяевам. А та, по которой мы шли от ворот примерно до середины города, вымощена огромными каменными плитами, и по бокам ее – стены, на

которых нарисованы львы, и она проходит мимо главного царского дворца. Его белые стены остались по правую руку. А если бы мы прошли по ней дальше, то увидели бы храм самого Мардука. Но мы видели другие храмы, большие и маленькие, посвященные богам, и вербовщики обещали, что по вечерам мы сможем туда приходить, а было их, если вербовщики не врут, около полусотни.

Пока мы шли, вербовщики уговаривали нас не бояться, но мы всё равно чуть не бросились бежать, когда увидели Нашу Башню.

Ее трудно описать, но я постараюсь.

Во-первых, она вся состояла из больших окон. Мы впервые увидели окна, которые располагались рядами. В Субат-Телле каждый дом имел два помещения, каждое помещение – одно окно, как четыре составленные ладони, и была еще дыра в потолке для дыма от очага.

Во-вторых, она была разноцветная, как большой свадебный ковер.

В-третьих, она была такой высоты, что мы задрали головы, чтобы увидеть последний ярус, и чуть не опрокинулись.

В-четвертых, она имела основание – такое, что там поместятся пять селений Субат-Телль, и чтобы пересечь это основание, хорошему ходоку нужно летнюю четверть деления больших часов.

Часы нам показали потом и научили ими пользоваться. Правда, мы не сразу поняли, что такое время, а зачем его измерять – и сейчас еще толком не знаем, нам достаточно того, что есть восход Солнца и закат Солнца, восход Луны и закат Луны, а когда начинать и кончать работу – скажут надсмотрщик и собственное брюхо.

Так вот, Наша Башня была в основании огромна, а кверху сужалась. За сотню шагов от ее подножия начиналась дорога, полого ведущая вверх, такой ширины, что две повозки могли разехаться. Эта дорога, немного поднявшись, превращалась в темную нору, которая, загибаясь, изнутри охватывала всю башню и возвращалась к тому месту, где началась, только локтей на восемь выше, и вновь делала круг, и вновь. К тому дню, как мы пришли, кругов было сорок два, но вскоре их стало сорок три.

Снаружи даже невозможно было понять, что внутри такая нора. Снаружи были окна и балконы, некоторые даже с цветами и вывешенными коврами. На балконах сидели богатые женщины, ели фрукты и бросали очистки вниз. О таких женщинах мы и мечтать не могли. А еще на некоторых ярусах были зеленые террасы – там стояли деревья в кадках.

У начала дороги сидели мальчишки-бегуны. Там же стояли дома гончаров, и из труб шел дым – топились их огромные печи. Вербовщики подошли к рядам, где сидели писцы, им сделали табличку, потом ее наскоро обожгли, и бегун понесся с ней вверх. Да, я не сказал, что внутри были еще лестницы. Тому, кто наловчился по ним бегать, проще было подняться на пять ярусов по лестницам, а не кружить внутри Нашей Башни по пологой дороге-норе. Мы сперва смертельно боялись этих лестниц – во-первых, потому, что раньше их никогда не видели, а во-вторых – при нас со ступенек свалился человек, который нес корзину с табличками. Тут же его обступили, и он очень жалобно кричал, чтобы не трогали табличек.

Ожидая ответа, мы сели рядом с писцами. Гамид стал расспрашивать, что за светящееся облако висело ночью над столицей. Ему объяснили – это Наша Башня, когда в комнатах зажигают лампы.

– Неужели тут такие яркие лампы? – спросили мы.

– В богатых семьях принято покупать дорогие лампы из горного хрусталя с устройством, которое отражает свет, – сказали нам.

Мы оставили младшего, Гугуда, охранять наши мешки и пошли посмотреть на сараи и на кузницу. Такие большие сараи мы видели впервые.

Рядом с Нашей Башней стояло здание, пристроенное к ней одним боком, возле здания был загон, а в загоне восемь ослов вращали огромную крестовину, посреди которой торчал

толстый столб и вертелся, а на нем было такое круглое, круглое, с зубцами, и соприкасалось с другим круглым, их там было много на столбах, и от них тянулись в окна веревки и широкие полосы толстой ткани.

– Что это, господин? – спросили мы человека наших лет, который как раз вышел оттуда и подзывал к себе разносчика воды. Этот человек был без головной повязки, высок и тощ, при этом шурился, как тот, кто работает в темной комнате и редко выходит на солнечный свет.

– Это священная крестовина бога Мардука, – ответил он. – Откуда вы взяли, если не знаете, что великий Мардук воплощается в такой крестовине?

– А это – его храм? – спросили мы.

– Да, это его храм, – ответил человек. – Но туда вам нельзя! Туда могут входить только избранные жрецы! Ступайте, ступайте!

– А это вращение крестовины – что оно значит? – снова спросили мы.

– Это – прибавление силы бога Мардука. Отойдите подальше, чтобы эта сила вас не коснулась.

– А ты?

– А я живу этой силой. Она меня питает! – объяснил человек, и мы попятились. Он же, когда разносчик налил ему сладкой воды в кружку, ушел обратно в храм Мардука.

– Но почему деревянная?! – закричал ему вслед Гамид.

Ответа не было.

– Потому, дурень, что это, наверно, кедровое дерево с севера, – сказали мы ему. – Представляешь, сколько эта крестовина стоит? Мардук, слава ему великая, мог воплотиться только в очень дорогой крестовине.

– Но почему ослы? Разве не нашлось людей, желающих послужить Мардуку? – возмутился Гамид, но мы поскорее увели его.

– Но почему она скрипит? Разве это голос бога Мардука? – вот последнее, что он успел выкрикнуть. Тахмад закрыл ему ладонью рот – ладонью, как лопата, которой копают огород, и, после путешествия, такой же чистой.

– Тут лучше помолчать, – сказал он. – А то еще не захотят нас взять, и пойдем обратно с пустыми руками.

Этого мы не хотели. Испугавшись, мы вернулись к своим мешкам, молча уселись на землю и стали смотреть, как в черную дыру, по бокам которой стояли высеченные из камня пятиногие крылатые быки-ламассу, защищающие вход в башню от демонов, входят и выходят люди: работники с тачками, в которых глина, кирпичи или земляная смола, работники с коромыслами, на которых ведра или корзины с овощами, погонщики ослов, и каждый осел навьючен двумя огромными кувшинами с водой, носильщики с носилками, а в носилках ярко одетые мужчины и женщины, маленькие бегуны, погонщики с осликами...

Мы поняли, что в Нашей Башне нас ждет веселая и увлекательная жизнь, и правы были вербовщики, обещав, что мы увидим много нового. Может, даже кто-то из тех нарядных женщин в окнах обратит внимание на простых и крепких парней?

Когда солнце было уже высоко, к вербовщикам пришел человек и долго с ними ругался. В столице говорят не так, как у нас, быстрее и со словами, которых у нас не знают. Наконец вербовщики пожелали нам милости богов и ушли, а тот человек, одетый в грязную мешковину, но с золотым обручем на голове, сказал нам так:

– Вам повезло, парни. Будете работать между землей и третьим ярусом. Сможете вечерами гулять по столице и кутить в столичных харчевнях. И не рвитесь вверх, это я вам говорю, как человек, десять месяцев живший на тринадцатом ярусе. Оттуда вниз уже не спускаются.

Потом он объяснил, что сперва мы будем получать за труд еду и бляшки – пока не отработаем двенадцать сиклей. Потом – еду, бляшки и сикли, которые будем посылать родителям.

– А что за бляшки? – спросил Левад.

Он показал – это кривобокие бронзовые кругляши, на которых выбиты или кувшин, или нога по колено, или человек с растопыренными руками и ногами. Бляшек мы сперва должны были получать одну в день, «кувшин», а потом, когда привыкнем к работе, – две и даже три. За «кувшин» в харчевне дают кувшин пива, или миску мясной похлебки, или три большие лепешки. Два «кувшина» можно обменять на одну «ногу», а «нога» – это уже самые простые сандалии, без бусин и медных полосок, которые недолго продержатся. Четыре «ноги» – это один «раб», цена простого плаща или простой туники. Хочешь тунику с ткаными полосками, чтобы нравиться девушкам, – плати три «раба», а то и четыре. Теплое одеяло из верблюжьей шерсти – тоже два «раба». А восемь «рабов» – уже целый настоящий сикль! Вот такие расчеты.

Он сказал – мы можем отказаться от бляшек, еще никто не умирал без пива и мясной похлебки, а он их будет записывать на наш счет, чтобы мы поскорее выплатили долг. Две большие миски жирной каши, утром и вечером, и сколько угодно воды – всегда достанутся тому, кто честно и трудолюбиво гоняет тачки.

Он повел нас за мастерские. В сарае стояли тачки, за сараем была большая гора глины. И нам приказали возить ее на третий ярус, где тоже была печь. Конечно, всю эту глину там не обжигали – приходили парни с шестого яруса и увозили ее на своих тачках. Они смотрели на нас свысока и называли земляными червями. Мы не обижались – что проку обижаться на городских?

Мы были из одной деревни и держались вместе – поэтому нас не очень задевали. Только мальчишки прибегали сверху и дразнили нас, кидались огрызками яблок. Ну да это ничего – мальчишки тоже городские, что с них возьмешь. И старухи, которые чистили овощи на больших кухнях, ворчали, что вот пришли опять какие-то деревенские дикари, которые не умеют держать в руке ложку. Мы действительно привыкли к большим ложкам, а тут, в Нашей Башне, даже для каши давали маленькие, на один глоток, и мы не сразу приновились их правильно держать. По-городскому-то ложку не зажимают в кулаке.

Насчет денег мы решили так – работа тяжелая и непривычная, нам нужно побольше есть, чтобы справляться. А выплатить долг мы сумеем и попозже. Так что мы складывали шесть «кувшинов» в общую корзину и тратили их так: на два «кувшина» покупали шесть лепешек, на один – пиво, на три – три миски мясной похлебки, так что каждому доставалось по полмиски. Или брали поменьше похлебки, зато покупали огурцы с солью и маслом, которые мы впервые увидели в городе. Но огурцами мы увлекались в первый месяц – потом поняли, что в них одна вода и никакой силы.

Хозяин, тот человек в золотом обруче, держал три десятка тачек, и его люди работали от земли до седьмого яруса. Он нам объяснил – в день нужно перевезти двадцать тачек глины, и за это мы получаем еду и один «кувшин», но тот, кто наловчится и будет перевозить тридцать тачек, тот получит два «кувшина». Правда, для этого нужно не ходить с тачкой, а бегать, но мы научимся.

На самом деле мы зарабатывали по два «кувшина» в день, но один шел в зачет долга.

Прошло три луны, прежде чем самые выносливые из нас стали получать по два «кувшина» в день. Мы привыкли к нашим тачкам, стали толстые и довольные. Пояс, в котором я пришел, уже не сходил на брюхе. Если утром и вечером большая миска жирной каши, а днем – похлебка, которую приносит мальчик с четвертого яруса, то станешь крепким и счастливым. Дома такую пшеничную похлебку только на свадьбах подавали.

Конечно, гонять тачки по темной норе – сомнительная радость, но через каждые сто шагов горел в настенном кольце факел, и внизу мы видели солнце, пока нагружали тачки, так что не сильно расстраивались. Хуже было другое. Мы ночевали в пещерах за большой печкой. Изнутри первые ярусы Нашей Башни были из земли и камня, который называется песчаник. Нам объяснили, как сделать постели на камне, а не на земле, и дали тюфяки из овечьей шерсти. Еще нас предупредили, чтобы мы не вздумали расширять пещеры и прокапываться в глубь

Нашей Башни. Там, в наших жилищах, был настоящий мрак – без масляного светильника не обойтись. И по нужде ходить далеко – эти горожане додумались, чтобы все справляли свои нужды в одном месте.

Наша Башня была устроена очень разумно – снаружи было красивое жилье богатых людей, лавки, помещения стражников, дорогие харчевни, а внутри – склады, печи, жилища простых людей, границей же служила нора.

Вечером, когда мы выполняли дневной урок, нас отпускали в город. Сперва давали провожатого, чтобы мы не заблудились и не влипли в неприятности. А это было совсем легко – особенно на речном берегу, где рыбаки продавали свежую рыбу. Правда, к нам приставать с глупостями опасались – мы все шестеро всегда держались вместе.

Мы обошли город, но у нас не было денег на развлечения, и прогулки стали не так заняты.

– Давай вечером залезем повыше, – предложил Гамид. – Найдем выход к окнам и посмотрим на столицу. Мы тут уже сколько живем, а ни разу не посмотрели.

– И увидим одни крыши, – сказал на это Левад. – Лучше пойдем к храму Аштарот смотреть на девиц.

– Какая радость на них смотреть? Самая тощая стоит не меньше десяти «рабов», и то еще может не взять бляшек, им сикли подавай. На крыши смотреть – для здоровья полезнее, не портишь себе настроение.

– На крышах женщины по вечерам отдыхают, – заметил Абад. – Можно найти хорошенекких...

– А давай с ними по-умному договоримся, – предложил Левад. – Они дорого берут, потому что там за ними смотрят младшие жрицы и забирают деньги на храм. А если позвать их сюда, то возьмут подешевле... мы можем два дня обойтись без лепешек, а потом – два дня без пива...

– Не пойдут. Нам их и уложить некуда, – сказал Тахмад. – У кого из вас есть чистое одеяло?

Мы промолчали.

– Ну так идем, – сказал Гамид. – А то даже как-то дико – трудимся в башне, а выше третьего яруса не бывали.

Мы не пошли за чистыми плащами, а отправились наверх в чем были, и не по лестницам, а по норе.

Ночью, когда по ней не гоняли тачки с глиной и кирпичами, приходили люди с повозками – такими, каких мы в Субат-Телле не видали. Это были бочки на колесах, и они воняли и смердели. Мы познакомились с хозяином такой повозки, и он объяснил – господа, что живут наверху, редко спускаются вниз, и если не забирать то, что извергают их тела, то там скоро не останется пустого места. Так что мы шли осторожно, чтобы не задеть такую повозку. Кроме того, ночью привозили камни, большие и маленькие, и с ними было много хлопот – они сыпались с телег и раскатывались по норе. Заслышав голоса камневозов, мы искали какую-нибудь дырку в стене норы, чтобы спрятаться и переждать это бедствие. Еще ночью затаскивали длинные и толстые бревна и самые большие камни – те, что тянут канатами, подкладывая катки. От них тоже следовало держаться подальше.

Но мы недалеко ушли – нас остановила стража. Мы и не подозревали, что дорогу охраняют.

В общем, наверх нас не пустили, да еще обозвали землезадами глиноедами.

– Понагнали вас, работаете за бляшки, – бурчал старый одноглазый стражник. – Пошли отсюда!

Мы и пошли вниз. Но ушли недалеко. Нас окликнул господин, который вышел на шум из своего жилища. Это был какой-то важный чин у стражи нижних ярусов – он мог их послать ловить ворон, и они с поклонами отступили вверх по норе.

И он был пьян. Человек, который тащил вслед за ним факел, осветил его, и мы поняли, насколько он пьян. Нам с жидким пивом никогда не достичь такого блаженства – вот что мы поняли.

– Ступайте сюда, парни, – сказал этот господин. – Не бойтесь, я вам кое-что скажу. Вы – счастливые люди, парни. Вам ни о чем не приходится думать. Вы полагаете, что наверху рай? Нет, то же самое, что внизу. Тоже гоняют свои тачки, обжигают таблички и кирпичи, пекут лепешки, ткут покрывала, но там, наверху, страшно – что, если завтра не привезут рыбу и зерно? Не отрывайтесь от земли, парни, вот что я вам скажу. Вы всегда можете спуститься в город, а те, что наверху, не всегда. Уже растут дети, которые не бывали внизу. Вот, держите «раба» и пропейте его вместе за мое здоровье.

Слова такого важного господина с завитой бородой – приказ, а целый «раб» – царский подарок, так что мы три раза поклонились и пошли в таверну за городской стеной. Она была открыта по ночам, чтобы перед рассветом туда пришли камневозы и те, кто возит смрадные бочки.

– А в самом деле, это же страшно – когда всё доставляют снизу, – Левад почесал в затылке. – Но, с другой стороны, тем, кто гоняет вверх тачки с зерном, платят больше, чем нам...

– А что бывает, если столкнутся две тачки, мешок упадет, порвется, и зерно вывалится? – спросил умный Тахмад. – Мы-то соберем нашу глину с пола, ничего ей не сделается. А зерно испорчено, и возчик не получает дневной платы.

Мы немного поспорили – на какой срок нас продали вербовщики, и к кому идти, если мы захотим поменять хозяина. А потом легли спать.

Оказалось, что Гамид не выкинул из головы странную мысль посмотреть сверху на городские крыши. Когда мы уснули, он вылез из пещеры и прокрался к лестнице. Оказалось, что на ночь спускают решетки, так что по ступеням не пройти, но он как-то перелез вверх по веревочным перилам. Увернувшись от стражи, он вылез не менее как на шестом ярусе! И у него хватило наглости забраться в комнату стражников, пока они расхаживали по норе. На четвереньках он подошел к окну и увидел такое, что чуть не заорал с перепугу.

Дело в том, что мы, парни, очень редко смотрим в зеркало. У девушек есть маленькие зеркала из отполированной бронзы, а нам они ни к чему. Мы знаем, как действует зеркало, и этого достаточно – с головной повязкой и без него можно управиться. Кроме того, у отражения есть всякие колдовские свойства, это все знают. Тот, кого ты видишь, может тебя сглазить. Или он вдруг начнет что-то делать, а ты должен повторять.

Гамид увидел из окна отражение Нашей Башни.

– Там подвесили огромное зеркало, и в нем – она! Высоченная, кверху чуть сужается, окна светятся! – выкрикивал он.

– Ты спятил. Откуда возьмется такое зеркало? Ты представляешь, как его пришлось бы отливать и полировать? – спросил умный Тахмад. – И к чему подвесили? На небе нет крючков!

– На небе могут быть крючки, – возразил Левад. – На что же боги подвешивают звезды?

– Нужно будет вечером обойти Нашу Башню и посмотреть, что там такое висит, – сказал Абад. – Спите, дурни, а то завтра даже миски каши не выработаем.

Но Левад с Тахмадом еще долго спорили о небесных крючках.

Утром они скоро выдохлись, и нам с Абадом пришлось им помогать, чтобы они не остались без каши и «кувшина». А потом, когда нас отпустили, мы не в город пошли, а вокруг Нашей Башни, мимо складов, сараев, мастерских и хлебов. Раньше нам там было нечего делать,

и мы знали Нашу Башню только с одной стороны – с той, где вход в нору. А вход был напротив городских ворот.

Мы шли долго – обойти Нашу Башню нелегко, и мы нашли еще одну дорогу, которая была длинной, наверно, в пятьсот шагов и загибалась, и вела прямо к четвертому ярусу Нашей Башни, причем последнюю сотню шагов – уже по воздуху. Мы думали, что уже знаем все городские диковинки, но дорога на столбах – это было невероятно.

– Значит, на четвертом ярусе есть выход из норы на эту дорогу, – сказал Тахмад. – Но зачем она нужна? Только боги могут расхаживать на такой высоте и не бояться. А боги в дорогах не нуждаются – где хотят, там и летают.

– По ней-то уж тачек с глиной не гоняют, – заметил Левад. – Может быть, она – для господ?

– Скорее всего.

Мы прошли под столбами и вышли на ровное место, откуда можно было смотреть вдаль, как у нас в Субат-Телле. И мы увидели отражение Нашей Башни. Только это было не отражение – ведь зеркало, как и говорил Тахмад, не висело. Просто вдали стояла точно такая же башня с многими ярусами.

– Вот любопытно, для чего ее там построили? – спросил Абад.

– А нашу для чего построили?

Мы заспорили. Через час стало ясно – мы этого не знаем. Пришли вербовщики, обещали сикли, мы согласились. Ни в одну голову не пришло спросить: для чего это сооружение? А не пришло потому, что это не наше дело. Нам платят – мы гоняем тачки. Выплатим долг – будем хорошо зарабатывать, снимем комнаты в городе, купим новые одеяла. Это даже прекрасно, что строят Нашу Башню, – без нее мы бы ходили тощие и неженатые. А она поможет нам заработать на выкуп для невест. К тому же благодаря Нашей Башне мы узнали, что такое городская жизнь. Мы научились есть жареную рыбу. Может быть, и вовсе не захотим домой возвращаться.

– Я вот что думаю – никого об этом даже не надо спрашивать, – решил Тахмад. – Раз нам не сказали, то мы знать не должны. Да и не всё ли равно? От того, что будем знать, тачки легче не станут.

Мы согласились – не станут.

Однако Гамид не успокоился. Несколько дней спустя он отправился в храм Асторет узнавать про Нашу Башню. Там сидят жрецы, которые отвечают на вопросы, и вопросы самые невыносимые: например, если ведешь жертвенного ягненка, и на его голову капнула сверху птичка, но при этом на голове случайно оказался древесный листок, куда угодила капля, считать ли ягненка безупречной жертвой?

Он вошел в храм – тут-то и начались наши приключения.

В храме, как всегда, было не протолкнуться. Очередь к жрецу петляла между колоннами. И тут же была другая очередь – к будке, где продавали жертвенные яблоки. Сквозь обе очереди ходили взад-вперед озабоченные жрецы, носили треножники для ночных бдений, опахала и сундучки с одеяниями. Там же бродили жрицы по обету – те, с кем можно было сговориться за небольшую плату, а невинные девицы, которые были обязаны отдать себя незнакомцу в храме, иначе бы их не взяли замуж, сидели вдоль стены, и перед ними прохаживались мужчины. Одна такая жрица оказалась возле Гамида, когда он, набравшись терпения, достоялся до конца и смог задать жрецу вопрос о Нашей Башне.

– Ты откуда, парень? – спросил жрец – толстый, с голым лицом, одетый в широкое женское платье. Говорили, что они, жрецы, бреют волосы на всем теле, чтобы уподобиться женщинам, и про это даже слушать было жутко.

– Из Субат-Телля, учитель.

– Вербовщики привели?

– Да, учитель.

– Что говорили?

– Что сперва двенадцать сиклей, учитель... – и Гамид стал объяснять про горячую жирную кашу и бронзовые бляшки.

– Молчи, дурень, молчи! – закричал на него жрец. – Да ты сам должен был им заплатить двенадцать сиклей за то, что они привели тебя сюда! Они говорили тебе про какие-то кувшины и ноги, а главного-то не сказали! Наша Башня нужна для того, дурень, чтобы на вершине возвести храм! Нам заповедано поставить храм в небесах – вот для чего ты гоняешь свою тачку! А теперь убирайся и не забудь заплатить при выходе за то, что я вразумил тебя!

Гамид совершенно не собирался платить. Он был отпихнут от жреца следующим искателем храмовой мудрости и стал пробиваться к дверям, надеясь выскочить без платы. Глядя, как выходит народ, он задержался за колонной, выжидая нужного мига – чтобы бегом проскочить опасное место. И тут к его плечу прикоснулась тонкая рука с окрашенными в рыжий цвет пальцами.

– У меня нет денег, – сказал, не оборачиваясь, Гамид. Он уже знал, что храмовые младшие жрицы стоят «рабов» пятнадцать, если в самом храме, а за оградой можно сторговаться дешевле.

– Идем, идем, договоримся, – сказала девушка и повела его в закоулок, где за ширмой была очень узкая дверь.

Гамид, уверенный, что девушка оценила его широкие плечи, сытый живот и приятное лицо, пошел следом и оказался под лестницей. Ему показалось странным, что жрица привела в такое неподходящее место, но то, что она сказала, совсем его ошарашило.

– Верно сказал старый Уль-Сараиль-Илассу, что ты деревенский дурень, – вот что она сказала. – Только дурень может поверить в то, что эти подлецы и хитрецы строят башню ради храма! Никогда никакого храма на ней не будет!

– А зачем же? – спросил потрясенный Гамид.

– Это я тебе потом объясню. Приходи завтра сразу после заката к северным воротам, там будет сидеть нищий в зеленой повязке, с собакой. Ты спроси его, много ли он сегодня насобирает, а он укажет тебе, куда идти дальше. Теперь ступай!

Гамид был настолько изумлен, что выбежал из храма, просто не увидев сборщика платы. А потом пришел в Нашу Башню, собрал нас в своей пещерке и всё рассказал.

– Храм в небесах – это здорово! – так решили мы. – В него и богам легче будет спускаться. Туда все понесут жертвы! Но как людям туда подниматься? Если по норе пустить повозки, запряженные ослами, то там будет не протиснуться. Две тачки в ней хорошо расходятся, а две повозки – нет.

– Там, выше, нора в некоторых местах расширяется, мне носильщик Рилад рассказал, – вспомнил Левад. – Говорит, удобно – если тащишь груз, можно там встать у стены и отдохнуть, никому не мешая.

– Ты пойдешь завтра вечером к северным воротам? – спросил Гаида Тахмад.

– Пойду, конечно. Вы не представляете, какая она красавица! У нее подведенные глаза, как лучшие финики, и волосы, как красная овечья шерсть, и голос, как пение ручья весной, и груди, как... как...

И он еще долго перечислял все достоинства жрицы – пока Тахмад не усомнился в том, что женщина, говорящая такие вещи, состоит в жрицах.

Целый день мы думали о храме на вершине башни и о том, чем он будет отличаться от обычных земных храмов. Додумались до того, что жертвенные яблоки будут давать бесплатно, и совершать брачный обряд тоже бесплатно, а жрецы туда придут самые лучшие, знающие молитвы наизусть, а не читающие их по табличкам. Потом мы вспомнили про похоронный обряд и заспорили – можно ли хоронить бесплатно и не будет ли от того вреда душе покойника.

Вечером мы проводили Гамида до северных ворот храма. Мы видели, как он подошел к нищему, спросил его, получил ответ и пошел вдоль ограды к храмовым водоемам.

А нам предстояла прогулка по городу, в котором всегда находилось на что посмотреть – мы уже знали, где натягивают свои веревки воздушные плясуны, где собираются любители петушиных боев. А то еще бывали шествия – когда какой-нибудь житель тридцать пятого этажа раз в несколько лет спускался вниз, то развлекался изо всех сил – тут же нанимал носилки и ездил по улицам, а перед носилками шли плясуньи и били в бубны, и кувыркались шуты, и пели певицы, и играли свирельщики, и гремели на разные лады барабанчики, а он смотрел сверху, хохотал и бил в ладоши.

Еще можно было посмотреть на иноземцев, в городе всякие попадались, и бритоголовые, в передниках, свисавших почти до колен, и с голыми боками, и темнокожие с волосами, как подушки из черной шерсти, и плосконосые с желтыми лицами, и носатые в высоких шапках. Мы в Субат-Телле и не подозревали, что такие люди на свете бывают.

Мы прогулялись по улицам, купили за один «кувшин» сладких маленьких городских лепешек, вернулись к северным воротам, но нищего там уже не было, и Гаמיד тоже не было. Тогда мы вернулись в Нашу Башню. А он появился только утром, когда выдавали миски с горячей кашей. Вид у него был – как будто его изловили мохнатые, и всю ночь гоняли по холмам, и трепали.

– Ешь скорее, – велел ему Тахмад. – И за работу.

– Вы совсем не хотите знать, что я там услышал? – спросил Гаמיד.

– Не до того. Видишь, первые тачки уже пошли вниз? Давай, давай... Глина ждет тебя, пустынный кузнецик! Ты как жители Суль-Телля, которые по ночам зерно молотили!

Толку от Гамида было мало – он отставал и спотыкался, чуть не вывернул полную тачку.

– Ты что, всю ночь не спал? – спросил я.

– Почти. Там нас было человек десять, и мы спрашивали... Она так рассказывает! Ты не представляешь! Я только теперь понял, какой же я болван! А Таш – какая она умница! Она всё объясняет, объясняет, объясняет!

– Женщина – объясняет? Мужчине? – Это у меня в голове как-то не укладывалось.

– Да! Да!

И тут он наконец опрокинул тачку.

Мы помогли ему быстро собрать глину и велели молчать. Но он всё равно пытался нам растолковать, что мы всё делаем неправильно.

– Совсем спятил, – сказал Тахмад. – Может, его та женщина сглазила? Нужно будет купить ему амулет.

Мы быстренько посчитали – вечером Абад и Левад, самые сильные, получают два «кувшина», мы – по одному, если они вместе за «ногу» купят амулет, мы им дадим по лепешке и по кружке пива, получится на каждого из них по две лепешки и две кружки пива. И это хорошая покупка – когда у нас появятся деньги на женщин, будем надевать его по очереди.

Но Гаמיד не пустил нас в город за амулетом.

– Нас там подслушают, – загадочно сказал он. – Останемся. Вы такое узнаете!

Ночью, в пещере, Гаמיד произнес речь.

– Жрецы нас обманывают, – сказал он. – Никакого храма на вершине этой башни не будет. Он там не нужен. Когда боги хотят спуститься в храм, они сами спускаются, им это нетрудно, вовсе незачем устраивать храм у них под носом. Так что башня неправильная. И она должна рухнуть.

– Вот додумался! – возмутились мы. – А где же нам зарабатывать на жизнь?

– Я знаю такое место! Мы там заработаем вдвое больше! Вот послушайте – Наша Башня стоит, пока мы ее строим и чиним. Ведь постоянно на стенах латают какие-то дырки. Если из нее уйдут люди, она скоро рухнет. Мне объяснили: башня – это мы сами!

– Ты хочешь сказать, что нас замуруют в башне? – спросил Абад. Стало очень тихо.

– Нет! Нет! Мне самому так сказали! – закричал Гамид. – Но это не так! Мы будем живы и здоровы! Но мы зря тратим тут время! В той башне, которую мы видели там, вдали, платят вдвое больше! И она не рухнет! Там новичок получает сразу два «кувшина» в день! А через месяц – уже три! Для чего нам тут мучиться, если на вершине не будет храма? Да и самой вершины не будет – просто на верхних ярусах будут сидеть храмовые звездочеты! Вот и всё!

– Дался тебе этот храм, – буркнул Тахмад. – Разве нам плохо жилось, пока мы о нем не знали? Я вон рубаху себе купил с синими полосками. Была у меня в Субат-Телле такая рубаха? Не было. И в пещере стоит бутылка с пивом. Была у меня в Субат-Телле своя бутылка с пивом? Не было. И еще мне сказал стражник Баркуд Амади, что осенью пригоняют молодых ослов. Если отложить денег и купить осла с повозкой, можно доставлять кирпичи с третьего яруса на шестой или, если повезет, сразу на восьмой. А это совсем другие деньги!

– А корм для осла? – спросил я. – Чем выше – тем он дороже. А если скотина заболит?

– А в Другой Башне тебе могут дать осла просто так – чтобы ты на нем работал, – заявил Гамид. При дальнейших расспросах оказалось, что и на завтрак там не одна миска жирной каши, а две. Мы любим поесть, но две миски – это опасно.

– Так вторую можно продать! – тут же сообразил Гамид.

Мысль перебежать в Другую Башню, где всё вдвое лучше, чем у нас, так засела у него в голове, что он очень долго не давал нам покоя. А тут еще Таш...

Она, как мы решили, была не жрица, только одевалась и красила пальцы, как они, чтобы спокойно ходить по храму и приставать к крепким молодым парням. Я увидел ее – и у меня в глазах помутилось. Таких красавиц родителям нельзя из дому без покрывала выпускать, чтобы не сглазили, и безумие Гамида стало мне понятно: не Другая Башня ему голову вскружила, а Таш.

– Он вам главного не сказал, парни, – так взялась за дело красавица, когда мы наконец встретились. – Что вам обещали вербовщики? Что будете катать тачки и получать в день сперва один «кувшин», потом два? А потом, может быть, сикль в месяц? Больше ведь ничего не обещали? Нет! И они вас не обманули – вы еще десять лет будете катать тачки с нижнего яруса на третий. Вы ведь ничего другого не умеете, а учить вас никто не станет. А потом вы спуститесь вниз – а глины нет! Вы побежите искать своего главного – а его нет! Вы кинетесь к поварам – поваров нет! Все ушли! Пока в башне люди – она стоит. Люди уйдут – ее не станет. И вы одни останетесь в башне, которая уже начнет рушиться. И она упадет вам на головы!

Мы стали понимать, что имел в виду Гамид. Но поверить в это мы не могли.

– Послушай, девица Таш, не могут все разом уйти из Нашей Башни, – сказал Тахмад. – Куда им идти? Кому они нужны?

– Могут. Просто вы не знаете...

Она поднесла к губам накрашенный пальчик, и мы, все шестеро, уставились на эти пухлые губы, а тачки и бронзовые бляшки вылетели из наших голов, как воробьи.

– Наша Башня – не первая... – прошептала Таш. – До нее были другие... И все они рухнули...

– Как рухнули?! – заорал Абад.

– Молчи, сын бешеной козы от шелудивого верблюда, – сказал ему Тахмад. – Или засунь себе в рот головную повязку. А ты, девица, не говори того, что нельзя проверить.

Я обрадовался – как ловко Тахмад поставил на место эту красотку Таш!

– Вот как раз проверить очень легко. Вы работаете каждый день, и ваш труд начинается на рассвете?

– Нет, на рассвете мы только просыпаемся, – сказал Левад. – Потом мы умываемся, идем за кашей, едим, спускаемся вниз, нам выдают тачки из сарая, и тогда только начинается работа.

– А вечером? – спросила она. – После того, как вам дают вечернюю кашу, что вы делаете?

– Идем гулять по городу, – сказали мы.

– Тогда выбирайте – или я встречу вас до рассвета и поведу на место, где была Первая Башня, или мы туда сходим вечером, – предложила Таш. – Это недалеко. Их стараются строить поблизости от города. Я вижу, что вы не поверите, пока сами не увидите развалины своими глазами. Только я прошу вас взять с собой лопату или две. Они пригодятся.

Мы беседовали с Таш в храмовом саду – она знала, как можно туда пройти со стороны храмовых прудов. И мы бы себя чувствовали, как в раю, среди прекрасных деревьев, если бы боги послали каждому из нас такую Таш. Но она была одна, а нас – шестеро.

– Никому не рассказывайте о нашем уговоре, – предупредила она. – Так утро или вечер?

– Вечер, – сказали мы. И она, уговорившись, что будет ждать нас возле загона, где ослы крутили священную крестовину Мардука, ушла, красиво колыхая бедрами.

Весь следующий день мы не столько гоняли тачки, сколько поджидали друг друга в норе и переговаривались. Удивительно, что нас на этом не поймали. Наконец наш надсмотрщик приказал парням, копавшим глину и кидавшим ее в тачки, воткнуть лопаты в кучу. И все мы, оставив тачки в сарае и вымыв руки, отправились есть кашу.

Потом мы оделись понаряднее и спустились вниз.

Крестовина в загоне была неподвижна – ослы выпрягли и увели.

– Как-то это неправильно, – сказал Гамид. – Если это священная крестовина Мардука, то почему ее вертят только днем? Нашлось бы немало людей, желающих повертеть ее и ночью, чтобы Мардук стал их покровителем.

– Ты бы лучше сходил и принес лопаты, – ответил ему Тахмад.

– Пусть со мной пойдет Гугуд. Он покараулит. Иначе кто-нибудь увидит, что я уношу лопаты, и меня назовут вором, как людей из Латыш-Телля, которые стянули грудные повязки у своих жен.

– Это правильно. Ступай с ним, Гугуд.

Они пошли за лопатами, а мы отыскивали большие камни и сели на них – ждать.

На этих камнях часто отдыхали днем служители священной крестовины, подзывали разносчиков, угощались и пили пиво. Тахмад пошутил, что камни набрались святости и она может перейти в нас. Левад усомнился – вряд ли святость внедряется в человека через такое место. И мы, веселясь, не заметили, как подошли двое из тех служителей. А когда заметили, то разом замолчали и вскочили.

Но им были нужны не камни – они шли к ограде двора, где стояла крестовина, и залезли на эту ограду, хотя она была совсем хилая, и оттуда рассмотрели те зубчатые колеса, что вращаются со скрипом.

– Ну вот, что я и говорил! – воскликнул один, худой и долговязый, которого мы уже как-то видели. – Проклятый столб покосился! Вот отчего у нас такие неполадки! Видишь, зубцы колеса проскакивают и не цепляют? Поэтому весь верхний ряд оказался выключен из работы.

– Теперь вижу, – отвечал другой. – Будь оно неладно. Завтра нужно с утра позвать мастеров. Я бы и новую крестовину заказал, эта уже совсем тухлявая.

Мы сперва молчали от почтения, а потом от изумления. Этот человек назвал столб от священной крестовины проклятым, а саму крестовину – тухлявой!

– Одно из двух, или новая крестовина, или молодые ослы, – возразил первый. – И то, и другое нам не дадут. Слезай, пока окаянный забор не рухнул. А то еще из-за него будут склоки.

Они ушли, а мы остались торчать у камней.

– Это не служители Мардука, – наконец выговорил Тахмад. – Они не похожи на служителей Мардука. Они издевались над священной крестовиной.

– Надо пойти в главный храм и рассказать! – предложил Левад.

– А кто мы такие, чтобы ходить в главный храм? И с чего ты взял, будто нам поверят?

Тахмад был прав. Мы – парни, которые гоняют тачки. А эти нечестивцы – господа, достаточно посмотреть на их накидки из тонкой шерсти и на головные повязки из полосатой ткани. Правда, бороды у них – как у нищих возле храма, которые нарочно засовывают туда солому и пачкают их глиной, чтобы вызвать жалость. У этих в бородах были какие-то стружки и, кажется, тоже сухая глина.

– Вот что. Нужно подстеречь, когда станут менять священную крестовину, чтобы взять щепочки, – додумался Левад. – Будет что отослать домой.

– А вот любопытно, куда они денут старых ослов, которые вращали крестовину? – спросил я. – Ведь такое животное – честь для нашего храма. Весь Субат-Телль будет приносить ему сено. Там есть один приметный, с очень длинным хвостом.

– Да, я тоже его заметил. И на храпе у него два белых пятна у ноздрей. Может, спросить у хозяина? Вряд ли нам продадут этого осла, но хозяин мог бы его выкупить и уступить нам, а мы бы отработали, – сказал Тахмад.

– Представляешь, сколько за него запросят? Осел, служивший Мардуку! Осел, над которым – рука самого Мардука!

Тут пришли Гамид и Гугуд с лопатами. Разом с ними появилась Таш. Теперь она была не в открытом платье младшей жрицы и не в сандалиях из тонких ремешков, а в одежде женщины-огородницы – такой, чтобы солнце не сожгло кожу. И волосы, и лоб, и подбородок были прикрыты.

– Идем, – сказала она. – У нас мало времени.

И мы пошли за ней на восток.

К тому времени мы уже умели определять время по часам и знали, что такое дневной час и что такое ночной час. Так вот – мы шли целый ночной час и порядком удалились от Нашей Башни. Где-то на полпути Таш зажгла припасенный факел.

– Вот мы и пришли, – она показала на обширный плоский холм.

– Что это?

– Первая Башня. Или та, которую мы привыкли считать Первой.

– Это – Башня?

– Я знала, что вы не поверите. Поэтому велела взять лопаты.

– Ты хочешь сказать, что от нее осталась эта куча песка и глины?

– Именно это я хочу сказать. Вам только кажется издали, что холм невысок. А когда на него залезете – поймете, что это высота пяти ярусов.

– Идем, убедимся, – ответил Тахмад.

Она оказалась права: чем ближе мы подходили, тем выше делался холм.

– Мало ли откуда он взялся, – заметил Гамид.

– Залезем наверх, и твоя лопата всё тебе объяснит.

– Не верю. Если бы Наша Башня рухнула, куча обломков была бы гораздо больше.

– А тебе не приходило в голову, что Наша Башня изнутри – пустая? У нее есть кирпичный стержень, вокруг которого растут новые ярусы. А сами-то ярусы – пустые! Это помещения для людей и для всего, что им нужно.

– И нора! – воскликнул Гугуд.

– И нора, – согласилась Таш. – Тут было то же самое.

И она первая полезла наверх, хватаясь за кусты.

Видно, она уже не впервые лазила на этот холм. Мы еще пыхтели внизу, а она уже стояла наверху, среди кустов. Наконец и мы забрались.

– Теперь копайте, – сказала Таш. – Сперва снимите верхний слой, где корни. Потом увидите много занятного.

Лопаты взяли Абад и Левад. В несколько взмахов они очистили площадку размером с покрывало.

– Теперь – осторожно. Разрыхляйте землю. Когда попадется что-то твердое – разгребайте вокруг и вытаскивайте.

Тут за работу взялись все мы – и добыли два десятка грязных кирпичей.

– Посмотрите на клеймо, – велела Таш.

Мы видели клейменные кирпичи в Нашей Башне, их везли наверх. Все они были помечены знаком «крестовина в круге». А на этих был знак – «крестовина в квадрате».

Кроме того, мы откопали множество черепков и каменную фигурку – крылатую лягушку, правда, сильно попорченную.

– Вот и всё, что осталось от Первой Башни, – сказала Таш. – Вы ведь не думаете, что я нарочно закопала тут эти кирпичи?

Мы ничего не ответили. Нам, всем шестерым, было стыдно.

– Тихо, – вдруг сказала Таш, – тихо...

И опустила на корточки, показывая нам, чтобы сделали так же.

Кусты скрыли нас. Таш, прислушиваясь, вытягивала шею. Наконец и мы поняли, откуда доносятся неразборчивые голоса.

– Вот зловредные крысы... – прошептала Таш. – Сейчас я разберусь, кто это...

Я не думал, что женщина на корточках может так быстро передвигаться. Только кусты прошуршали...

– Я за ней, – сказал Гамид. – Эти женщины вечно лезут куда не надо.

– Разве она твоя женщина? – спросил Тахмад.

– Нет, но я...

– Не двигайся. Ты же не знаешь, что она затеяла.

Сидеть на корточках для человека непривычного – неприятное занятие, и мы вскоре сели на зады. Те голоса доносились то громче, то тише, и вдруг раздался пронзительный, как удар хлыстом по ушам, визг.

– Она! – крикнул Гамид, вскочил, отпихнул Тахмада и понесся на выручку. Делать нечего – мы побежали следом.

Если кто-то скажет, что бегать по холму, кусты на котором выросли выше пояса, а между ними сплошные ямы и колдобины, огромное удовольствие, того человека нужно привязать голым возле муравейника, сперва обмазав ему медом отдельные телесные части. Мы спотыкались, падали в колючие травы, хватались за них руками, и оказалось, что длинные узкие листья острее ножа.

Когда мы прибежали, Таш уже не воевала с двумя противниками, а просто громко ругалась. Она их обвиняла в том, что они покусались на ее грудь и лоно, а они кричали, что она дура, хуже ослицы, хуже верблюдицы, хуже козы.

Когда они увидели, что на помощь Таш ломятся сквозь кусты шестеро верзил, то схватили свое имущество и убежали.

– Я знала, что вы придете и прогоните их, – сказала Таш. – Полюбуйтесь на эту яму!

Яма была большая и глубокая – в человеческий рост.

– Это они выкопали? А зачем? – спросил Тахмад.

– Они думают, что в развалинах Первой Башни можно найти сокровища. Что взять с дурней!

– Сокровища? Здесь? – и Абад спрыгнул в яму. А мы – следом.

– Боги лишили вас разума! – закричала Таш, глядя, как мы роемся в этой грязной яме. – Тут точно такие же черепки, как и там! Вы что же думаете, что жители башни разбежались, а золото оставили здесь?

– Но ведь эти двое искали золото, а они городские, они лучше знают! – ответил ей Тахмад.

– Вот дурни...

Мы пропустили через палыцы каждую пылинку, мы нашли несколько бусин, костяную ложку и деревянные подметки от городских сандалий – семь штук. А тем временем совсем стемнело, и Таш, прокляв нас на все лады, пошла прочь от ямы. Как же мы намучились, вылезая оттуда! Потом мы догнали ее и молча пошли следом.

– Зачем тебе понадобились эти два ослиных охвостья? – спросил Гамид, когда мы уже были возле Нашей Башни. – Если ты знала, что они не найдут в яме сокровищ, то на что же они тебе?

– Это я тебе потом растолкую, – сказала Таш, и мы поняли, что она по-настоящему выделяет Гамида из нашей шестерки. – Ступайте спать, а то завтра заснете на ходу и опрокинете свои тачки.

Заснуть оказалось не так уж просто – мы рассуждали о Первой Башне, высока ли она была, во сколько ярусов, долго ли ее строили, отчего не использовали совсем еще хорошие кирпичи для другой башни. Также нам было любопытно, для чего ее строили.

– Может, как раз самую первую задумали для того, чтобы наверху поставить храм? – спросил Тахмад. – Конечно, богам несложно прилететь по воздуху в любой из городских храмов, но им должно быть приятно, что мы, люди, стараемся подняться к ним поближе.

– Да? – Абад задумался.

Я заснул под высокоумные рассуждения Гамида, и всю ночь мне снился Вавилон, но большой, имеющий много ворот, и я хотел из него выйти, но в какие ворота бы не выглядывал – видел загородившую путь башню, их было больше десяти, а может, и несколько десятков – если бы я поспал подольше, то узнал бы точно. Да наступило утро и пришла женщина с кухни будить нас, крича, что каша поспела и все давно едят, а мы шестеро всё еще валяемся, какдохлый собачий приплод.

В тот день мы трудились плохо, надсмотрщик ругал нас, и все мы получили всего по одному «кувшину». Вечером мы легли спать пораньше – хотели на следующий день показать, на что мы способны.

– Я вот думаю – не сходить ли нам еще к Первой Башне? – сказал Тахмад. – Не может быть, чтобы те мужчины просто так здоровенную яму вырыли. Они что-то знают.

– А почему она побежала их выслеживать? У нее тоже какие-то свои замыслы! – добавил Левад. – Слушай, Гамид, не встречайся ты с ней больше. Она тебя обязательно втравит в какую-нибудь дурную историю.

– Может быть, мы были ей нужны, чтобы выкопать яму в том месте, где она показала? – додумался я. – Тогда понятно, почему она боялась тех мужчин – если она тоже ищет золото, соперники ей ни к чему!

– Спите, парни, – проворчал Абад.

– Надо вернуться и углубить нашу яму... – прошептал Тахмад. – Если мы найдем сокровища, то сразу уйдем – и всё равно, что будет с Нашей Башней, простоит она после этого хоть месяц или сразу рухнет. А ей – ни слова, понял, вонючее козье охвостье?

– Сам ты куча прелого ослиного навоза, – ответил Гамид. На том и успокоились.

У нас началась отвратительная жизнь.

Целый день мы гоняли тачки по норе, а вечером убегали к Первой Башне и за пять дней выкопали там такую яму, что можно было в ней пасти верблюдов. Правда, мы старались беречь силы, ходили к своей яме через день и не оставались у Первой Башни допоздна. Однако устали мы, как ослы на последнем перегоне до города, когда их торопят, чтобы успеть проскочить в запирающиеся ворота.

Список того, что мы откопали, можно было читать на свадьбах вместо росписи невестиного приданого – той, которую выкрикивает главный деревенский весельчак перед тем, как дядя невесты огласит настоящую. Гости животы бы надорвали со смеху. Ножки от скамеек и ручки от корзинки, крышки от горшков и обломки прялок, беззубые гребешки и разломанные

пряжки, таблички с записями, которые утратили смысл много лет назад, и голубые изразцы для украшения комнат – жаль, что целых было всего три штуки. А главным образом мы добывали кирпичи. Мы откопали их столько, что можно было построить свой собственный дом, если бы нам отвели место возле Нашей Башни.

Гамид не искал Таш, но она сама нашла его. Однажды вечером мы увидели ее на краю ямы. Она смотрела вниз и качала головой.

– Так и знала, что вы тут, – сказала она. – Зря я рассказала вам про Первую Башню. Теперь вас от нее за палец не оттащишь, пока всю не расковыряете.

Мы захохотали. Это было наше, деревенское словечко, от городских мы его еще не слышали.

– И как добыча? – не унималась она. – Хватит ли ее на то, чтобы купить большой дом с садом в Вавилоне? Или вы на эти деньги хотите снарядить караван в страну хеттов? Вылезайте, несчастные. Если вам так уж хочется копать землю, не получая за это ни «кувшина», я отведу вас к храмовым огородам – по крайней мере, это будет как жертва великим богам, и вы, умерев, получите воздаяние.

Мы подумали и вылезли.

Она оглядела нашу добычу и долго не выпускала из рук таблички.

– А вот в этом есть смысл, – сказала она. – Клянусь силой Мардука...

– В чем ты видишь смысл? – спросили мы ее.

– А вот, – она показала на дырку.

Мы и сами заметили, что таблички попадались разные – одни были продырявлены, а другие – нет.

– Ну забирай их себе, – великодушно сказал Гамид. – Если они для чего-то нужны.

– Я не уверена, что нужны, но я их заберу.

Все вместе мы пошли к Нашей Башне. Когда пришли, городские ворота были закрыты, и Гамид забеспокоился, где Таш будет ночевать, но она сказала, что подходящее местечко у нее имеется.

Мы смыли с себя пыль и грязь у пруда и пошли в свое логово.

– И все-таки мы не поняли, чем ей помешали те двое, которых мы прогнали тогда от Первой Башни, – сказал Тахмад. – Она очень ловко уходила от вопросов. Послушай, Гамид, не связывайся ты с городской девкой. Она тебя одурачит.

– Одурачит, – подтвердил Абад. – Ведь зачем мы пришли? Мы пришли, чтобы гонять тачки и зарабатывать деньги. Для этого не обязательно бегать от башни к башне. Я уже получаю два «кувшина» в день, а когда выплачу долг – буду получать три или даже четыре «кувшина». Если откладывать по одному, то за месяц получится... Гамид, сколько получится?

– Двадцать восемь «кувшинов», четырнадцать «ног», или три «раба» и еще две «ноги», Абад. Не так уж плохо. А ведь ты можешь откладывать и по два «кувшина».

– Я хочу делать то, что я понимаю, – продолжал Абад. – Может быть, я мало понимаю, ну и пусть. Поставьте меня на место, где нужен крепкий парень, согласный гонять тачки за разумную плату, и со мной не будет хлопот.

– Но если Наша Башня рухнет и похоронит тебя под собой? – спросил Гамид.

– Она так просто не рухнет. Она сперва будет трещать и скрипеть. Я успею забрать свое добро и уйти.

– К тому же башня рухнет после того, как оттуда уйдут люди, – напомнил Тахмад. – Правда, мы не поняли, почему они должны уходить из башни. Эй, Гамид, скажи своей девице – пусть объяснит так, чтобы простые парни поняли.

– Я ей скажу. Но вообще это неправильно...

– Что? – спросили мы.

– Чтобы женщина всё объясняла мужчинам. В этом городе странные нравы.

И все-таки Гамид попросил ее об этом.

– Наконец-то! – сказала она. – Вы начинаете думать, а это уже большое достижение.

Гамид потом признался нам, что, услышав такой ответ, решил – как только женится на ней, первым делом поколотит ее, для ее же пользы.

Но больше спрашивать было некого.

Когда старики провожали нас, то сказали: держитесь друг за дружку. И мы держались. В Нашей Башне мы ни с кем не сходились. Это, в общем, было незачем. Конечно, мы знали кое-кого из стражников, из поваров, из разносчиков, из носильщиков, мы знали других парней, которые гоняли тачки, но разговаривать с ними было не о чем – так, поделиться новостью, что на восемнадцатом ярусе, говорят, умер дед и его вечером понесут вниз – хоронить, и придется уступать дорогу. Или, скажем, что гонять тачки с кирпичами было бы выгодней, чем тачки с глиной, да кто же нас спросит...

С теми, кто возил смердящие бочки, мы вообще не разговаривали – это было неприлично.

В общем, мы никого не трогали, и нас никто не трогал. Шестерка крепких парней – это двенадцать кулаков, между прочим.

Мы собрались в знакомом месте, в храмовом саду.

Это было очень уютное место у самой ограды, каменной ограды в полтора моих роста, за жасминовыми кустами.

Там была лужайка величиной с покрывало и большой камень, который позабыли строители стены, и над нами нависали ветки, так что мы были, словно в пещере. Днем, в жару, там было прохладно – жаль, что днем мы не могли туда прийти. Но и вечером тоже неплохо – совсем близко пели девушки, работавшие на грядках, и свистели какие-то птицы, и пахла скошенная зелень.

Конечно, нам не очень-то нравилось, что придется задавать вопросы девице. Но это всё же городская девица, и мы решили, что можно как-то потерпеть. Мы принесли ей, как положено у нас в Субат-Телле, яблоки и козий сыр. Без этого к девушкам и не подходи – убегут. А принесешь – будут с тобой разговаривать, пока все не съедят.

– Значит, вы хотите знать, отчего из Первой Башни ушли люди? – спросила Таш. – Вы хотите понять, отчего из Нашей Башни очень скоро уйдут люди? Вы уже поняли, что причина – одна и та же?

– Да, хотим, – ответили мы. – И больше спросить не у кого.

– Я же тебе объясняла, – укоризненно сказала Таш Гамиду. Он развел руками и вздохнул.

– Ладно. Вы видели, что осталось от Первой Башни. Вы поняли, что даже очень высокая башня в сорок ярусов может рухнуть, если не будет в ней людей, чтобы ее чинить. Вы в этом убедились?

– Да, да! – сердито закричали мы. Она разговаривала с нами, как с маленькими детьми, которые еще бегают голышом.

– Мы хотим знать не только то, почему люди ушли из Первой Башни, – сказал Тахмад. – Мы хотим знать, зачем они вообще ее построили. Одни говорят – башня нужна, чтобы сверху поставить храм, поближе к богам. Другие – что богам всё равно, где храм. А я еще слышал, будто на вершине башни должен жить царь.

– Ты умный мужчина, Тахмад, – похвалила Таш. – Ты сразу задал правильный вопрос. Так вот – люди Вавилона строят башни для того, чтобы зарабатывать деньги.

– Это хорошо! – похвалили мы.

– По крайней мере, это понятно, – добавил Левад.

– Но с деньгами простым людям можно иметь дело, пока их немного, тогда всё понятно. А когда их много, они становятся, как морское чудовище, которым невозможно управлять. Вот ты, Гамид, можешь ли прогнать свою тачку по доске шириной в ладонь?

- Конечно, могу! – гордо сказал он.
- А если бы тачка была вдвое больше?
- Могу!

Мы возражать не стали – что же это за парень, если он не хвастается перед девушкой своими достоинствами?

– А если бы тачка была размером с дом? Вот представь – ты взялся за палки этой тачки, подтолкнул ее, и она покатила.

– Это была пустая тачка? – недоверчиво спросил Гамид.

– Неважно! Ты ее толкаешь – она катится. Но ты не видишь – может, впереди в нее впрягли двух буйволов, и поэтому она катится. А может, кто-то из богов толкает ее рукой. А может, ее маги зачаровали. Но тебе кажется, будто это ты своей силой управляешь тачкой. Ты знаешь только одно – она продвигается вперед, и ее продвижение приносит тебе деньги. Но она огромна, Гамид! Если под колесо твоей маленькой тачки попал камень – ты сумеешь ее выровнять. А если камень попадет под колесо огромной тачки, что будет? Сможешь ли ты помешать ей грохнуться?

– Но в нее впряжены два буйвола, и боги ее тоже толкают, и маги зачаровали ее колесо! Как же они все вместе дадут ей грохнуться? – возмутился Абад.

– Ох... – сказала Таш. – Вы не знаете, буйволы это, боги или маги! Вы только знаете, что еще вчера тачка прекрасно катилась, а сейчас полетела в сторону, грохнулась и развалилась! Вот точно так же с большими деньгами! Вы не знаете, в каких отношениях деньги вашего подрядчика с деньгами подрядчика Бубурука Асхватака, который поставляет Нашей Башне глину!

– Мы ничего не поняли, – ответил Тахмад.

Некоторое время Таш молчала.

– Так, попробуем с другого конца... – произнесла она. – Сколько стоит внизу ячменная лепешка?

– Три лепешки за «кувшин», – хором ответили мы.

– А уже на пятом ярусе разносчики продают две лепешки за «кувшин». А на десятом – одну. Они берут много лишних денег за то, что ходят по лестнице с тяжелой корзиной. Но если им не заплатишь – останешься голодный. Ты же не пойдешь ради лепешки вниз, в пекарню? Ты на этом потеряешь столько времени, что выгоднее взять лепешку за «кувшин». Это хоть понятно?

– Они все на нас наживаются, подлые отродья паршивых ослов и гнилозубых вонючих собак! – сказал Абад.

– Правильно! Правильно! Эти подлые отродья паршивых ослов и гнилозубых вонючих собак на вас наживаются! – обрадовалась Таш. – Если вы это понимаете, дальше уже будет легче. Ну вот, на тринадцатом лепешка стоит «ногу», а на сороковом – как вы думаете?

Мы подумали – и нам стало страшно.

– И сколько должен получать парень, катающий тачку с тридцать восьмого на сорок первый, чтобы не голодать? – спросила Таш. – Парень, который живет где-то на тридцать седьмом? При этом, учтите, вы воду приносите снизу сами, а он – покупает. И вы можете выйти в город, купить еду дешевле, чем у разносчиков, а он не может. Ему сойти вниз и вернуться наверх – как раз и будет день от восхода до заката.

– Это если по норе, а по лестнице? – спросил я.

– А кто его пустит по лестнице? Их перекрывают! Наверху всё очень строго, – сказала Таш. – Зато, когда он сходит, то за свои деньги может внизу купить очень много, но обычно простой носильщик тратит их на дурацкие шествия – наверху он таскал носилки и питался лепешками, а внизу его самого носят, поют ему песни, устраивают шествия и кормят его самой жирной бараниной. Видали?

– Видали, – согласились мы.

– Он на такое шествие тратит столько, сколько зарабатывает на тридцатых ярусах за три или четыре дня. За те деньги, сколько стоит наверху кувшин пива, внизу можно купить женщину – если не слишком к ней придираешься. Но получается, что цены наверху ужасные, а торговцам везти туда товар невыгодно. Вы хотите знать, почему невыгодно?

– Да, да! – закричали мы.

– Потому что где-то очень высоко их прибыль пропадает. Ведь там носильщик корзин получает «раба» в день, а то и больше. Если покупка и доставка лепешки обходится чуть ли не в две «ноги»...

– Одной лепешки? – недоверчиво переспросили мы.

– На сороковом ярусе – да. Так можно ли продавать ее дешевле, чем за две «ноги»? Но мало охотников тратить на нее такие деньги. Парни вроде вас собираются в стаи и нападают на разносчиков. Они отнимают корзины с едой. А найти их невозможно – у них там прорыты в толще стены норы, чтобы прятаться. Кроме того, если богатый человек купит целый ярус, то он может поставить в большой норе стражников и брать за проход через свой ярус по «кувшину» с человека. Не верите – попробуйте пройти через шестнадцатый ярус и через двадцать третий!

– Всесильный Мардук их всех убьет... – пробормотал Абад.

– И вот наступает день, когда цена на лепешку становится совсем невероятной. Простые парни, которые не торгуют, а строят башню, понимают, что чем выше – тем хуже, и бегут прочь. Вслед за ними бегут те, на кого они работали. Бегут богатые люди, которые и рады бы заплатить сикль за лепешку, а некому. Тогда строительство башни прекращается. Ее выгодно строить только до двадцатого яруса – тогда торговцы лепешками, мясом, зеленью, сандалиями, одеялами и прочим добром имеют наилучшую прибыль. Но они ведь не могут остановиться и в итоге теряют всю башню. Башня-то жива, пока ее строят и пока растут цены. Строительство прекращается – уходят каменщики, печники, плотники, все уходит, покупать лепешки некому! Поняли?

– Нет, не поняли! – ответили мы.

Таш утерла пот со лба. Пот был воображаемый – она просто хотела показать нам, как ее утомили умные рассуждения.

Вдруг ее лицо изменилось – казалось, она услышала радостное известие.

– Сейчас всё поймете, – сказала она. – Все эти приключения с деньгами происходят потому и только потому, что богам не угодна цифра «сорок пять». Как только башня дорастает до сорок пятого яруса, боги говорят «довольно» и производят смятение в умах. Люди уже не понимают, сколько стоит ячменная лепешка, и в панике бегут из башни! Теперь – поняли?!

– Теперь – поняли! – ответили мы.

– Слава всесильным богам! Вот что было с Первой Башней! Вот что будет с Нашей Башней! Но умные люди, которые начали строить Другую Башню, знали про эту ловушку. Они придумали, как избежать страшного числа «сорок пять» и не прогневать богов!

– А как? – спросили мы.

– Это тайный колдовской способ! Простая девушка вроде меня не может его понять – его только старшие жрецы понимают. Но сорок пятого яруса там не будет.

– А у нас?

– А в Нашей Башне уже доставлены наверх кирпичи, бревна и глина, чтобы его возвести. Теперь понимаете?

– Разве наши подрядчики не знают про страшное число «сорок пять»? – спросили мы.

– Знают. Но они пытаются использовать последние месяцы большой прибыли. А в Другой Башне возводят только тридцать шестой ярус, и там нужны рабочие руки. К тому же, представьте, новички сперва получают в день два «кувшина», но вы-то не новички, вы получите

целых три! Видите разницу? И понимаете, почему ваши хозяева не хотели, чтобы вы знали про Другую Башню?

– А что будет на вершине Другой Башни? – спросил Тахмад.

– Площадка с перилами, чтобы смотреть вдаль и наслаждаться. Со всех стран приедут к нам, чтобы посмотреть на мир сверху, – сказала Таш. – И будут за это платить.

Потом она пообещала, что нам придется гонять тачки только первое время – мы сможем их выкупить и сдавать в наем. Если у человека сорок тачек, и за каждую он получает в месяц по «ноге», да еще сам трудится, то уже можно жить! А дальше, накопив денег, можно завести свое дело – поставить маленькую пекарню где-нибудь на десятом ярусе или мастерскую, чтобы чинить сандалии.

– Мы должны отработать двенадцать сиклей, – сказал Тахмад. – Мы дали слово.

– А это еще долго?

– Хозяин скажет, когда мы их отработаем.

– Хотите, я узнаю? – предложила она.

– Ты пойдешь спрашивать нашего хозяина? – удивились мы.

– Не он один это знает. А теперь идем отсюда. Вам пора отдыхать.

Мы вышли из сада и направились к Нашей Башне. То, что сказала Таш, было чересчур сложно для наших голов. У нас всё перепуталось, и только число «сорок пять» осталось для нас вразумительным.

Мы понимали, что нужно вовремя уходить из Нашей Башни, а то явимся в Другую Башню и увидим, что там парни, умеющие гонять тачки, больше не нужны, своих хватает. Но умный Тахмад сказал:

– Наш хозяин не дурак. Он наверняка сам туда перебежит. Надо хорошо работать, чтобы он взял нас с собой. Мы к этому хозяину привыкли, он платит вовремя, а если ругает – то за дело. Какой будет новый хозяин в Другой Башне – одни боги знают. Так вот – мы должны уйти туда вместе с нашим хозяином. Так ты, Гамид, и скажи своей красавице.

Видимо, он сказал, потому что явился поздно вечером с исцарапанным лицом.

– Она сказала, что каждый из нас должен еще по три сикля. И больше я к ней не пойду! – заявил он.

– Мы думали, по два, – возразил Тахмад. – Откуда она знает?

– Она к кому-то ходила. Наш хозяин куда-то сообщает про то, сколько нам платит, и это выдвинуто на табличках, а таблички где-то хранятся, и всегда можно на них посмотреть. А она знает того человека. И не спрашивайте, кому и для чего он сообщает! Опять у нас в головах начнется путаница! И отвяжитесь от меня, пожиратели падали!

Больше Гамид про Таш не вспоминал. По крайней мере, вслух.

А потом, два месяца спустя, мы нечаянно заработали «раба». Добрый человек, которого подвел к нам наш хозяин, попросил нас погрузить на тачки его добро, чтобы доставить на восьмой ярус. Он договорился со стражниками, и мы три вечера таскали скамейки, сундуки, столы, подставки и мешки. Этот добрый человек вздумал открыть на восьмом ярусе харчевню для стражи, и мы доставили туда всё необходимое, включая двух толстых поварих, которые боялись крутых лестниц.

– Вот бы еще нашлось несколько таких добрых людей! – сказал Левад. – Тогда мы могли бы выкупить старого осла от священной крестовины и отправить его в Субат-Телль. И были бы уверены, что над нашим Субат-Теллем – рука Мардука.

– Его дешево не отдадут, – ответил Тахмад. – Его не за «рабов» будут продавать, а за сикли. Подумай сам – это же священный осел.

– Пойдем, спросим погонщика, – предложил я. – Заодно узнаем, когда приведут молодых ослов. Может быть, у нас еще много времени, чтобы собрать деньги.

Вечером мы, сдав в сарай тачки, поспешили к ограде с крестовиной. И очень расстроились, увидев, что ее возвращают молодые ослы.

– Как же мы их проворонили? – спросил Абад.

Мы стали разбираться кто виноват, и сказали друг другу много всяких гадостей, и ругались бы долго, если бы Тахмад не успокоил нас.

– А если бы мы уследили за ослами? – спросил он. – Всё равно у нас тогда не было лишних денег. Да и сейчас – всего один «раб»!

С горя мы решили устроить пир. Хотя нам два раза в месяц давали жареное мясо к каше, мы хотели его еще и еще. Городское жареное мясо и жареное мясо в Субат-Телле – это два разных блюда. Городское – жирное, сочное, со множеством приправ, его можно есть и есть, пока не онемеешь от счастья. И к нему подают зелень, и гранатовый соус, и лучшее пиво.

Мы пошли к входу в нору – нам нужно было взять чистую одежду, потом спуститься к пруду, умыться и тогда уже идти в город. Абад, который шел последним, нагнулся завязать ремешок сандалии и отстал. Мы заметили, что его нет, уже почти у входа, мы обернулись, мы стали его высматривать, мы даже забеспокоились и решили вернуться. Но он появился и бегом догнал нас.

– Там Таш! – сказал он.

– Где Таш? – спросили мы.

– В загоне для ослов! У крестовины!

– Что она там делает?

– Не знаю!

Вот что видел Абад.

Он нагнулся возле самой ограды, он нарочно к ней отошел, чтобы его не задела идущие мимо люди. И он услышал голоса. Там, у крестовины, говорили об ослах. Ему показалось, что человек, знающий так много о молодых ослах, должен знать и то, куда подевались старые. Поэтому Абад заглянул через ограду и увидел, что ослов выпрягает и уводит человек, рассуждающий об их качествах, а у дверей стоят другой человек, толстый, и Таш.

– Она улыбалась ему и соблазняла его! – с негодованием воскликнул Абад. – И он смеялся, как мужчина, который уверен в себе!

– Боги уберегли тебя! – сказали мы Гамиду. – Еще неизвестно, что ее связывало с теми двумя, которые копались на Первой Башне! И вообще девица, которая в храме пристает к незнакомым парням, недостойна обрезка ногтя с мизинца твоей левой ноги!

– Сам знаю, – ответил он.

Мы уже разобрались, в каких харчевнях самое жирное мясо. Мы хорошенько умылись, нарядно оделись и пошли пировать. Мы шли по улице гордо, подпоясавшись так, чтобы всем были видны сытые животы. Владелец харчевни знал нас и усадил в самом дальнем углу, чтобы нам никто не мешал. Мы сели и стали совещаться, какое мясо взять для начала.

Тут-то к нам и подошел высокий толстый мужчина. От него пахло женскими благовониями, как от младшей жрицы в храме Асторет, которая ловит богатого паломника. И одет он был так роскошно, что мы подумали – это кто-то из царских вельмож с самых верхних ярусов. С ним был маленький, как мальчик двенадцати лет, но немолодой – с виду тридцатилетний, одетый просто, с дешевой головной повязкой. Он еще и почтительно склонялся, так что мы поняли: благоухающий – его господин.

– Радостного вам вечера, парни, – сказал он. – Это ведь вы гоняете тачки у подрядчика Токмака Аbruка?

– Мы, господин, – ответил за всех Тахмад, и мы встали.

– Сидите, – велел господин. – Я поужинаю с вами и угощу вас молодым козленком, жареным на вертеле. Он уже, кажется, поспел. Я подрядчик Халак Барей.

Мы так растерялись, что не смогли сказать ни слова.

– Я вас давно заметил, – сказал подрядчик и сел на скамью напротив Тахмада. – Ступай, Гури, жди меня снаружи. Вы ведь, все шестеро, всегда держитесь вместе?

– Да, господин, – ответил Тахмад. А маленький Гури поклонился и ушел.

– Отчего это?

– Мы все вместе пришли из Субат-Телля, господин. Мы родня и с детства дружим.

– И вы ни в ком более не нуждаетесь?

– Да, господин.

– И ни с кем здесь не подружились?

– Мы знаем своего хозяина и двух надсмотрщиков, господин. Еще знаем парней, которые нагружают нам тачки, и стражников – Баркуда Амади, его брата и еще старого, одноглазого. Нам этого достаточно, господин.

– Как замечательно! – обрадовался он. – Когда-то и я пришел из деревни гонять тачки – и поглядите, чего я добился! У меня свое дело, я держу четверых слуг и носильщиков, меня знают на самых высоких ярусах! На меня работают три десятка человек! И я им хорошо плачу – самый слабосильный из них получает семь «ног» за два дня!

Мы сразу прикинули – семь «ног» это же целых четырнадцать «кувшинов»!

– Боги были благосклонны к тебе, господин, – сказал Тахмад.

– Да, боги привели ко мне человека, который предложил мне хорошее ремесло. В память о том человеке я раз в год оказываю благодеяние таким же простым парням, как я сам двадцать лет назад. И вы тоже когда-нибудь станете большими людьми, и будете угощать молодых мясом молочного козленка.

Вскоре принесли блюдо с жирными кусками мяса, горшок с гранатовой подливой, принесли ячменную кашу, лепешки, пряные травы, кружки с пивом, и начался такой пир, что мы поняли – вот ради чего стоит жить. Ну и ради женской ласки, конечно.

Когда козленок кончился, Халак Барей велел принести жаренную на углях печень ягненка. Это было как обещанное жрецами замогильное блаженство!

Но появился Гури, что-то нашептал на ухо своему хозяину, и добрый подрядчик воздел к потолку руки.

– Горе мне, горе! – сказал он. – Пока я наслаждался жирным мясом, мои работники пошли на свадьбу к одному из них, и напились, и валяются на земле, и не могут встать на ноги! А они так нужны мне этой ночью! Горе мне, я обманул порядочных людей! Я взял у них деньги вперед, а выполнить работу не смог! Как я завтра погляжу им в глаза?!

– Если это не очень сложная работа, мы выручим тебя, господин, – сказали мы.

– Это не сложная работа, но могу ли я доверить ее вам? – спросил он.

– Конечно, можешь, господин, – ответили мы.

– И вы не бросите меня в беде?

– Не бросим, клянемся скрипом священной деревянной крестовины Мардука! – сказали мы.

Он открыл рот и сразу же закрыл. Видимо, он не ожидал от нас такой страшной клятвы.

– Тогда доедайте печень, допивайте пиво, и я поведу вас.

– Слушаемся, господин.

Ворота Вавилона, ведущие к Нашей Башне, были открыты допоздна. Там можно было даже купить у стражников факел, чтобы не сломать шею на дороге. Халак Барей дошел с нами до входа в нору и велел поторапливаться. Мы побежали в свои пещерки и переоделись в простое, повязали головы обычными повязками из небеленого льна и спустились к нему.

– Все шестеро здесь? – спросил он.

– Все, господин.

– Это хорошо. Идем.

При нем был уже не Гури, а другой слуга, повыше ростом. Он держал факел и пошел впереди.

Привели нас туда, где мы до сих пор не бывали. Ведь мы ходили к сараю, где хранились тачки, к глиняной горе, к пруду, на котором была устроена купальня, к пекарням, к площадке, где собирались разносчики, а больше нам ничего не было нужно. Оказалось, за печами, где обжигали кирпичи, был низкий и длинный сарай. И чем ближе мы к нему подходили – тем сильнее делалась вонь и тем чаще подносил Халак Барей к носу пропитанный благовониями край головной повязки. А вот его слуга даже не морщился.

– Пришли, – сказал Халак Барей. – Ну, парни, потрудитесь, и каждый получит за ночь по три «ноги». Часто ли вам выпадает такое счастье?

– Нет, господин, но нельзя ли отойти подальше от сарая? – спросили мы.

– Сейчас отойдете. Джири, выкатывай...

– Сейчас, – сказал слуга и отворил ворота сарая.

Нам, всем шестерым, стало не по себе. Мы поняли, что влипли в какую-то неприятную историю, как жук в коровью лепешку. И когда это ощущение непоправимой беды стало предельно сильным, Джири выкатил большую бочку на двух колесах. Мы сразу узнали эту бочку! Наверху у нее была приделана широкая горловина с крышкой, а воняло от нее так, что наши глаза даже заслезились.

– Мы не договаривались гонять бочки с дерьмом, господин! – закричал Тахмад. – Нам не надо твоих денег, отпусти нас!

– А кто поклялся священным скрипом деревянной крестовины? – строго спросил Халак Барей. – Выводи осла, Джири.

Мы даже сгорбились – позор лег на наши плечи грузом, как вся Наша Башня, и пригнул нас, и стал невыносим. Джири вернулся в сарай и вывел осла.

– Подержи факел, – сказал он Гугуду и стал ловко запрягать скотину. К бочке он прицепил два черпака на длинных палках. Мы смотрели в землю. Пусть даже никто во всей Нашей Башне не узнает, как мы опозорились ночью, но боги-то с небес видят, и Мардук говорит им: «Вот, посмотрите на тех, кто сдуру поклялся скрипом моей крестовины!»

– Ты старший, ты пойдешь первым, – сказал проклятый Халак Барей Тахмаду. – Эй, Гури, пойдешь с ним черпальщиком! И возьмите с собой вот этого. Научи их всему, что нужно, Гури, и жди на тридцать седьмом ярусе. Ступайте, парни. Где ты там запропал, Джири?

И он опять понюхал край головной повязки.

Вместе с Джири из сарая вышел старик и вывел второго осла.

– В три бочки работаем, хозяин? – спросил он.

– Пока в три. Нам бы хоть тридцать девятый, сороковой и сорок первый вычерпать. А если боги будут милостивы – и тридцать восьмой. Ты тоже пойдешь – будешь хоть двери придерживать.

– Я боюсь за ослов, – сказал старик.

– Я сам останусь при ослах. Когда увидят меня – их не тронут.

– Там в углу большие палки.

– Знаю. Помогайте запрягать, парни. Или вы в своей деревне никогда не запрягали ослов?

Нам было страшно прикоснуться к бочке. Халак Барей еще десять раз напомнил нам о нашей страшной клятве, прежде чем мы побрели к Нашей Башне.

Подниматься вверх по норе – долго и скучно, Джири стал петь песню о бочке, а мы не знали, что сделать, чтобы он замолчал. Нам казалось, что все жители Нашей Башни сейчас высунутся в нору и увидят наш позор.

Мы шли, и шли, и шли, глядя в землю, и уже не понимали, на каком мы ярусе. Хотя была разница между нижними и верхними: чем выше, тем чище было в норе, тем красивее

были выходящие в нее двери и ворота, тем наряднее стены – многие были выложены дорогими изразцами, а петли для факелов – медные, начищенные.

– Проголодались, парни? – спросил Джири. – У меня лепешки есть и финиковое вино в бурдючке. Сделаем остановку, подкрепимся.

Нас чуть не вывернуло наизнанку.

– Благодарим тебя, добрый человек, но у нас в животах – еще жареный козленок твоего хозяина, – ответили мы.

Эта дорога наверх была длиннее той, что мы проделали от Субат-Телля до Вавилона. К середине ночи мы дошли до самых верхних ярусов.

– Ваши братья уже трудятся над нами, – сказал Джири. – Вот видите эту дверь? За ней – чан, куда всё падает и стекает из жилищ двух ярусов по эту сторону Нашей Башни. Вы двое берите черпаки – и за работу. Когда чан опустошится, переедем к следующей двери чуть ниже, и так будем понемногу спускаться. На каждом ярусе по восемь чанов, а нам нужно вычистить чаны трех ярусов, хорошо бы четырех. Это не так трудно, как кажется. Как только бочки наполнятся, мы поедем вниз, нам нужно успеть убраться отсюда до рассвета.

Он оставил у двери, рядом с которой было кольцо для факела, меня и Левада, а сам взял под уздцы второго осла, впряженного во вторую бочку, и повел к следующей двери. Авад и Гамид поплелись следом.

– Как нам смыть этот позор? – спросил Левад, глядя в землю.

– Убить подлого Халака Барея, – сразу ответил я. – Как только освободимся от клятвы. Тогда Мардук будет нами доволен.

– Да, это так. Жаль, что мы не сможем утопить его в бочке.

– Почему не сможем? Мы придумаем, как это сделать.

– Но не в бочке. Он туда не влезет.

– А где?

– Мне кажется, там, за сараем, есть яма для этой мерзости.

– Да, яма подойдет. Но не сразу. Первое время он будет нас опасаться. А потом мы найдем способ. Мы знаем его в лицо и знаем, где его искать.

– И нас шестеро. Мы с ним справимся.

– И великий Мардук увидит его зловонную душу.

– И заткнет нос!

– А ощущают ли боги зловоние?

Это был занятный вопрос. Когда в храме жгут жертвенное мясо и растения, дым бывает очень едкий, но жрецы говорят, что богам он нравится. Значит ли это, что их обоняние отличается от человеческого?

Мы затеяли спор, всячески оттягивая миг, когда придется браться за черпаки. Но пришел Джири и пообещал нас отлупить. Видимо, он догадывался, что рано или поздно это придется сделать, – на поясе у него висела дубинка, окованная медью, довольно дорогая и крепкая дубинка.

Мы прикоснулись к палкам черпаков. Древесина была чистая и гладкая, даже теплая. Это как-то успокоило нас. Джири отворил дверь, и мы увидели чан. Он оказался меньше, чем мы думали, всего мне по пояс, и к нему вела сверху труба.

– Не бойтесь, – сказал Джири. – Вы опустошите его в двадцать взмахов черпака. И помните – три «ноги»! А я вернусь к вашим братьям. Хочу убедиться, что они не болтают, а трудятся. Ну?

Мы встали возле чана. Левад смотрел на меня, я – на Левада. Кто-то должен был начать.

– Проклятье всесильного Мардука на голову того, кто нас обманул! – выкрикнул Джири и погрузил черпак в чан.

– Осторожнее, осторожнее, не то забрызгаетесь, – предупредил Джири и пошел прочь.

– Проклятье Мардука! – повторяли мы при каждом взмахе черпаком. – Проклятье Мардука!

В головах наших уже рождались дивные картины: как мы ловим гнусного Халака Барея, как хватаем его, как переворачиваем вверх ногами и вниз головой, как погружаем его скверную голову в горловину бочки, как всего его туда запихиваем, как закрываем горловину крышкой!

– Эй, парни! – раздалось из темноты. – Что это вы здесь делаете?

Мы промолчали. Как будто в свете факела нельзя было разглядеть нашего постыдного занятия.

– Лучше бы вы этого не делали, парни, – продолжал незримый человек. – Сколько вам пообещал мерзкий скупердяй?

Мы опять промолчали. Кому какое дело до цены нашего позора?

– А знаете, почему он вас нанял? – не унимался тот человек. – Знаете, почему этой ночью только вы работаете на бочках?

Нам это было безразлично. Мы попали в беду, а до других нам дела не было.

– Повезло же Халаку Барею – отыскал где-то парней, лишенных слуха и речи! – воскликнул другой человек, тоже незримый. – Как же он с ними договорился?

– Они отлично слышат и говорят, – возразил первый. – Я видел их у пруда – так даже пели и смеялись. Я знаю вас, парни. Ваш подрядчик – Токмак Абрук, он честный человек. А наш – Халак Барей. Это наши бочки!

– Он сказал, что вы лежите пьяные в грязи, – ответил тогда Левад. – Но если вы протрезвели, то берите свои черпаки, нам они не нужны. Только заплатите нам, и мы пойдем мыться.

– Ты не понял, брат, что тут происходит. Мы не были пьяны, – тут наш собеседник вышел на свет и оказался крепким мужчиной отцовского возраста. – Мы работали на Халака Барея пять лет. Он нас завербовал на юге и обещал нам большие деньги – по две «ноги» в день. Подумай, могли ли мы отказаться? Нам же нужно кормить жен, детей и стариков. Мы пришли, стали на него работать. Потом он прибавил по «кувшину» – это было, когда подорожали питьевая вода и ячмень. Потом – еще по «кувшину», это было, когда подорожала мясная похлебка и кожа для сандалий и передников. Мы, когда работаем, надеваем кожаные передники, которые потом моем, и покупаем их за свой счет, чтобы одежда оставалась чистой. А теперь подорожало мясо...

– Когда? – хором спросили мы.

– Три дня назад. Теперь миска хорошей мясной похлебки наливается не до полна. Раньше в нее лили три черпака, а теперь за те же деньги – два с половиной. А нам нужна хорошая еда. Мы пошли к нему и попросили прибавки. Он отказал. Тогда мы сказали – если так, ночью ни одна бочка не выйдет на работу! Ты пойми, брат, если откажутся работать разносчики, хозяин сразу договорится с другими людьми, и найти замену носильщикам тоже нетрудно! А найти замену нам невозможно! И если два-три дня в башню не будут привозить кирпичи с глиной, ничего не случится. А если не будут чистить чаны – начнется такая вонь! И эта вонь попадет в дорогие жилища, и их хозяева пойдут к Халаку Барею, и найдут способ его наказать!

– Да, его надо наказать! – закричали мы. – Он подлый обманщик!

– Ну так бросайте черпаки и ступайте к нам! – позвал мужчина. – Мы скинемся и заплатим вам по «ноге» за ваши труды. А мерзавец Халак Барей завтра будет поколочен! И поднимет нам плату!

Мы с Левадом бросили черпаки наземь. Мы испытали счастье, как новобрачный, которого оставили наедине с молодой женой. И вдруг счастье кончилось – мы одновременно вспомнили, что поклялись скрипом священной крестовины бога Мардука.

– Нельзя, – сказали мы.

– Отчего это нельзя? – спросили они.

– Мы дали страшную клятву.

– А если мы вас поколотим? – подумав, спросили они. – Нас много! Халак Барей держит двадцать бочек рабочих и пять запасных, для осеннего времени, когда все пьют кислое молодое вино. Нас сорок три человека, а вас шестеро и Джири седьмой, а Гури не в счет. Представляете, как мы вас поколотим?

Мы представили.

Наша растерянность была так велика, что мы не нашли слов для ответа.

– Вы подумайте, – сказал тот мужчина. – Мы немного погодя к вам подойдем.

И он скрылся. За поворотом раздался хохот.

– Вот что – надо пойти к Тахмаду, – додумался Левад. – Тахмад умный, он скажет, что делать.

– Ну так идем! – обрадовался я. – А что делать с ослом и бочкой? Оставить?

– Ага! Оставим – а эти дерьмовозы сразу же их угонят! А нам – отвечать!

– Может, дать им возможность угнать бочки? Тогда наша совесть будет чиста. Мы хотели исполнить клятву, но боги этого не хотели.

– Но боги ведь поймут, что мы это сделали нарочно, как жители Мир-Телля, которые привели жениху вдову вместо девицы... Идем к Тахмаду. Он где, выше или ниже?

– Выше.

Мы закрыли дверь, я взял осла под уздцы и повел его вверх по норе.

– Эй, эй, вы куда?! – закричали из темноты дерьмовозы.

Мы побежали. А бежать вверх по норе, таща за собой осла, впряженного в огромную бочку, занятие трудное. Хорошо еще, что Левад догадался и стал сзади бить его по крупу палкой от черпака.

– Стойте, дурни! Не то поколотим! – вопили они.

Мы ничего не отвечали.

– Наверху – Тахмад и Гугуд, – сказал Левад. – А Гамид с Абадом где же?

– По-моему, тоже...

– Эй, эй! – закричали мы. – Субат-Телль, отзовись!

– Эй, эй! – ответил Тахмад. – Что у вас?

– Беда!

Дерьмовозы поняли, что мы хотим соединиться, и побежали в погоню. Но мы успели и оказались возле Тахмада с Гугудом и маленького старичка Гури.

– Вы зачем сюда пришли? – сердито спросил он.

– За нами гонятся настоящие дерьмовозы! – ответил я.

– Они на лестницах сидели! – догадался Гури. – Ждали, что тут будет! Чего они хотят?

– Поколотить нас.

– Я предупреждал его! Я предупреждал! – заорал Гури дурным голосом, как старуха, что ругается на базаре за пучок укропа.

– Их сорок человек, – напомнил Левад, а я очень быстро объяснил Тахмаду положение дел. Тем временем наши злодеи прибежали и остановились в полусотне шагов от нас. Мы видели первых из них, насколько позволял факел у двери.

– Где наши? – спросил я его. – Выше или ниже?

– Выше, – ответил он. – Джири повел их туда – оказалось, что в новом ярусе уже живут люди, и это богатые люди, и они уже успели наполнить свои чаны.

– Надо бежать, надо бежать, – зашептал Гури. – Они нас поколотят и сломают бочки. А бочки – имущество хозяина! Если их сломают, то Наша Башня будет, как хлев, в котором все скоты гадят вместе!

– Бежать можно только наверх, а там уже последний ярус, дальше некуда, – напомнил Тахмад.

– Там еще остались пустые помещения. Мы заведем туда ослов с бочками, а сами спустимся по лестницам к комнатам стражников! Пусть они прогонят этот сброд! Пусть выгонят из башни! Пусть переломают им шеи!

– Но если стража переломает им шеи, кто будет гонять бочки? – спросил Тахмад. – Тогда Наша Башня за неделю станет как хлев.

– Хозяин убьет меня, – сказал Гури. И мы по его приказу повели ослов вверх, а дермывозы наступали нам на пятки и ругались на городской лад, с очень заковырыстыми оскорблениями.

– Эй, эй, Субат-Телль! – кричали мы, чтобы предупредить Абада и Гамида.

Джири, услышав, побежал нам навстречу.

– Боги отняли у вас рассудок? – спросил он сердито. – Что вы орете и почему не работаете?

– Болван, сейчас всех нас убьют, – ответил ему Гури.

Джири прислушался и помянул всех грязнозадых пожирателей падали, рожденных от союза припадочной козы и шелудивого крокодила.

– Ты как знаешь, а я – на лестницу, – сказал Гури и побежал еще выше.

– Мы тоже, – сказал Тахмад.

– Вам нельзя. Вы поклялись, что будете работать на Халака Барея. И только я могу сказать, выполнена работа или не выполнена. Поняли, дурни? – спросил Джири. – Если мы не прогоним их, то не сумеем вычистить все чаны, и завтра будет большой шум.

– Нас семеро, а их – сорок, – напомнил я. – Как мы с ними справимся?

– Возьмите оглобли от бочек, – велел Джири. – У трех бочек – шесть оглобель. Даже если у них есть палки – все равно вы сильнее. А я побегу за стражниками. Я знаю, где они сейчас спят, – на двадцать пятом ярусе. И у них для таких случаев возле комнат есть стойла для верховых ослов. Мы возьмем этих подлых склочников в клещи! С одной стороны – вы с оглоблями, с другой – стражники на ослах и с дубинками! Мы оставим от них кучу лохмотьев! Они будут ползать перед нами на брюхе и умолять, чтобы мы отлупили их и позволили опять гонять бочки! Мы их одолеем, парни! Исполняйте свою клятву!

И он тоже убежал вверх.

– Что делать? – спросил Гугуд. – Он даже не объяснил, как вынимать оглобли!

– Как вытащим, так и сойдет! – Абад лихо выдернул оглоблю из повозки, но другой ее конец, вставленный в петли хомута, застрял.

– Бей предателей! – закричали наши враги и с хохотом побежали к нам.

Мы спрятались за бочки, один Абад остался стоять перед бочками. Умом он был неповоротлив, но в движениях – ловок, и даже мало пригодной к бою оглоблей натворил немало: он подпустил врагов поближе и описал ее свободным концом полукруг на уровне их ушей. Двое повалились под ноги прочим наступавшим, а как раз у них были в руках дубинки. Враги отступили, Гамид выскочил и подобрал оружие.

Нам никогда не приходилось драться с целой толпой. В уличную драку, где бойцы сразу разбиваются на пары, мы дважды попадали, но управились легко, мы же крепкие деревенские парни, а не хилые городские.

Они опять пошли на приступ. Тахмад и Левад вышли с дубинками и пообещали, что успеют разбить по две головы каждый, прежде чем их повалит толпа. Тогда в них стали кидать камнями. Они отступили за бочки.

– Что делать? – спросил Гугуд. – Что-то я не слышу, чтобы снизу к нам спешили стражники.

– И я не слышу, – сказал Абад.

– Похоже, эти двое вонючих нам соврали! – такой вывод сделал Тахмад. – И оставили нас защищать имущество своего хозяина, потому что мы связаны клятвой.

Тут его задел камень, перелетевший через бочку. Дерьмовозы наловчились так их кидать, чтобы они падали на нас сверху.

– Если мы все время будем отступать, то нам в конце концов придется прыгать с башни, – сказал Левад.

– А вот дверь! – воскликнул я. – Может, за ней – богатое жилище, и нас туда впустят?

Дверь, возле которой горел вставленный в кольцо факел, была большая, крепкая, и мы стали в нее стучать, но нас никто не впустил.

– Мы пропали, нас тут завтра подберут с разбитыми головами, – запричитал Левад. – И не нужны нам будут никакие деньги.

– Я буду стучать в эту дверь и вопить, – сказал Гамид. – И пусть кровь наша будет на совести хозяина... Пойдите! Мы же можем отбиваться факелами!

Он вынул факел из кольца и поднял его над головой.

Когда факел высоко и посреди норы – он дает больше света, чем если бы он был на своем обычном месте, сбоку. Мы увидели бочки и ослов не частями – бок бочки, горловину, круп осла, – а целиком.

И Гугуд с невнятным криком стал тыкать пальцем в ослиную морду.

– Ты от страха взбесился? – спросил его сердитый Тахмад.

– Вот, вот! – повторял Гугуд. – Я его знаю! Это он!

– Кого знаешь, осла? – спросили мы.

– Да, да!

И мы наконец поняли, что в повозку с бочкой впряжен старый приметный осел из тех, что крутили священную крестовину бога Мардука. Эти два белых пятнышка на храпе, у самых ноздрей, обозначились совсем отчетливо. Мы посмотрели на хвост – это был тот самый не в меру длинный хвост, который мы сразу заметили.

– Как это? – спросил умный Тахмад. – Как это?!

А мы пятеро просто молчали.

Осла от крестовины Мардука запрячь в вонючую бочку? Драгоценного осла, которого нужно было отдать в один из деревенских храмов, чтобы он на покое доживал свои дни, окруженный общим почтением?

Или мы сошли с ума, или жрецы при крестовине сошли с ума, или...

Эта мысль пришла разом в наши головы. И мы, не стовариваясь, закричали:

– Она не священная! Нас обманули!

А раз крестовина не имеет отношения к богу Мардуку, то и наша клятва – как шорох крыльев мотылька и пение навозной мухи!

– Мы никому ничего не должны! – радостно заорал Левад. – Парни, мы свободны!

Однако камни перелетали через бочки, и дерьмовозы готовились к бою. Объяснять им про крестовину и клятву было нелепо. Выход из положения нашел Абад. Он, пока выдергивал оглоблю, расшатал бочку, и оставалось совсем немного, чтобы она слетела с колес. Абад как следует тряханул повозку и вовремя отскочил – бочка грохнулась наземь. А она была большая – ростом больше человека.

Мы направили ее ногами так, как хотели, и с силой ее лягнули, и она покатила на наших врагов-дерьмовозов, увеличивая скорость, а мы, оставив ослов, поспешили вверх – там, как мы поняли, был выход на лестницу. И хорошо, что Гамид прихватил факел, – иначе мы бы проскочили мимо темной арки, за которой были площадка величиной с покрывало и узкие ступеньки.

Мы, отчаянно хватаясь за веревочные перила, стали спускаться.

– Те из них, кто уцелел, подкараулят нас внизу, – мрачно сказал Тахмад. – Нам надо где-то отсидеться до утра.

– Если мы сейчас выйдем в нору, они ни за что не догадаются, на каком ярусе нас искать, – додумался Гамид.

– А может получится, что мы выйдем в нору и как раз на них напоремся, – возразил Левад.

Мы понятия не имели, на каком ярусе находимся и что делать дальше.

– А что, если они нас караулят возле наших пещер? – спросил я.

– Может, досидим до утра на лестнице? – предложил Гугуд.

– Да, заснем и рухнем с нее, как жители Русуд-Телля, которые гонялись по крыше за родной бабушкой, – ответил ему Тахмад. – Как это мы опозорились с проклятой крестовиной?

– А что будет, когда про всё это узнает наш хозяин? О-о-ой... – застонал Левад.

– Братья, когда эта история станет явной, все будут показывать на нас пальцами. Это же какой стыд – мы чистили чаны с дерьмом! А всё из-за крестовины. Хотел бы я знать, для чего она нужна на самом деле... – проворчал Тахмад. – С чем-то же связаны все эти веревки и рогожные полосы!

– Мало ли зачем вертится крестовина. Мы простые парни, наше дело – гонять тачки, не в Нашей Башне, так в какой-нибудь другой, – сказал Абад.

– Он прав! – закричал Гамид. – Клянусь язычком Асторет, он прав! Здесь нам спокойно жить не дадут. Нужно уходить в Другую Башню!

Мы стали поворачивать это дело так и этак. Со всех сторон выходило плохо. Из-за нас в норе была драка, и мы наверняка переломали кости кое-кому из дерьмовозов. О том, какие разрушения могла произвести бочка, даже подумать было страшно. Чаны остались невычищенными – значит, завтра уже будет ощутима вонь, и жильцы верхних ярусов будут жаловаться. Они не для того перебирались с двадцатых ярусов на тридцатые, чтобы нюхать дерьмо. Впрочем, на двадцатых и на десятых тоже будет мерзко – если подлый Халак Барей не помирится со своими людьми и не начнет им платить больше. А он должен будет помириться, иначе Наша Башня будет смердеть на весь Вавилон, и тогда все беды этой ночи свалят на нас, и наш хозяин будет зол, как бешеный бык. А всё из-за клятвы, всё из-за клятвы...

– Я поймаю того, кто нам соврал про крестовину, и оторву ему ноги, и зажарю их, и заставлю сожрать! – сказал Абад. – Я сегодня же утром это сделаю!

В том, что Абад может оторвать человеку ноги, мы не сомневались. Тем более человеку, из-за которого у нас столько неприятностей. Мы только не были уверены, что это избавит нас от бед. И нам надо было обсудить хотя бы то, где досидеть до утра, а он размахивал руками, грозился изловить того вруна и мешал говорить, пока Тахмад на него не прикрикнул.

Наконец мы додумались – нужно идти к стражникам, объяснить им наше горе и попросить позволения остаться в их комнатах до утра. А утром нас начнет искать их хозяин, или мы попросим стражников отвести нас к нашему хозяину, и пусть он что-нибудь сделает для нас, потому что мы столько месяцев честно на него трудились!

Сидя на темной лестнице при догорающем факеле, мы, конечно, не знали, что творится снаружи. Когда же мы, спускаясь вниз, нашли какую-то дыру, выползли в нее и оказались в большом чулане при харчевне, где хранились соленые овощи, и осторожно, на четвереньках, вышли в комнату со столами и скамейками, то услышали голоса поварих. Они впотьмах перекликались и призывали друг дружку разжигать очаги и наливать воду в котлы. Это означало, что скоро рассвет, а мы так и не вздремнули, а впереди – длинный день и наши тяжелые тачки.

Мы сообразили, что это за харчевня, и поняли, на каком мы ярусе. Но когда мы уже вышли в нору, освещенную факелами, оказалось, что пропал Абад.

– Он пошел к крестовине! – догадался Гамид. – Нужно догнать его, а то он там натворит дел!

– Если он до нее дойдет. Может, дерьмовозы ждут нас у выхода из норы, – сказал Тахмад. – Тогда это плохо кончится...

– Ну так идем за ним! – потребовал Гамид. – Может быть, мы еще успеем его остановить.

– Я не думаю, что эти вруны приходят в дом крестовины затемно, – добавил Левад. – Мы поймаем Абада у той ограды и куда-нибудь уведем. Хотя бы в комнату к стражникам. Главное – чтобы он не успел ничего натворить.

Мы побежали вниз по норе, благословляя человека, распорядившегося не гасить ночью факелы. И мы, конечно же, у самого выхода натолкнулись на стражников, которые искали нас, чтобы связать и бросить в яму с гнилой водой.

– Вы, дурни деревенские, зачем напали на людей почтенного Халака Барея и опрокинули их бочку? – спросили нас стражники.

Тогда мы кинулись обратно наверх, а бегать мы умеем лучше городских стражников. И на третьем ярусе мы, не сговариваясь, вбежали в наши пещерки, быстро увязали в узлы наше имущество и прихватили имущество Абада, потому что знали – оправдаться мы не сумеем. Мы же действительно спустили вниз вонючую бочку!

– Придется спускаться по лестницам, – сказал Тахмад.

Лестниц мы до сих пор побаивались.

В глубине Нашей Башни было несколько лестниц, ведущих с яруса на ярус, но где они начинались внизу – мы не знали. Были также высокие трубы, по которым в харчевни и в огромные бочки постоянно поднимали воду в ведрах, а из бочек ее доставляли на верхние ярусы. Там всегда требовалось очень много воды, и она была страшно дорогая – дороже пива.

Мы знали, где у нас на третьем ярусе двери, ведущие к лестнице, и побежали к ним, пока до нас не добрались стражники, и спустились неизвестно куда. Там было темно, а мы не имели с собой факела. Мы могли его прихватить из норы, но не догадались.

– Всё рухнуло, всё рухнуло, – приговаривал Левад, тащивший свой мешок и мешок Абада.

– Замолчи, – велел ему Гамид. – Мы спрячемся и подождем, пока нас перестанут искать. А тогда Тахмад пойдет к нашему хозяину и всё ему объяснит.

– Я хочу есть, – заявил Гугуд.

Мы все уже хотели есть. Наступало время, когда нам давали вкусную жирную кашу, по большой миске на человека, а если сказать поварихе, что ее груди, как подушки из птичьего пуха, то она добавит в миску еще лишний черпачок. Правда, это хорошо получалось только у Гамида с Левадом, а Гугуду однажды досталось черпачком по лбу – он вместо подушек сказал про мешки.

– Мы потом найдем, чего бы съесть, – ответил ему Тахмад. – Сейчас для нас главное – спрятаться самим и спрятать от стражников наше имущество. Иначе мы его больше не увидим.

Лестница кончилась, мы оказались на темной площадке, ощупали стены, и оказалось, что от нее расходятся три норы – одна прямо, одна направо и одна налево.

– Этого еще недоставало, – сказал Левад. – Куда же они ведут?

– Пойдем туда, откуда пробивается свет, – решил Тахмад. – Где свет, там люди. Они скажут, где выход наружу. В Нашей Башне наверняка не только те ворота, которые ведут в большую нору, есть еще какие-то.

Мы пошли за ним и пришли в странное место.

Там было светло – примерно так же, как в норе, где через каждые сто шагов факелы. Но там трудились очень сердитые люди. Они сразу заорали на нас, приказывая остановиться и не двигаться. Тахмад обиделся – да и всякий бы обиделся, если бы его назвали кучей прелого дерьма. Он пошел вперед и пропал. Мы слышали плеск и крик.

Гамид поспешил за ним, но сумел удержаться и не рухнул в подземный пруд, откуда черпали ведрами воду и цепляли эти ведра к крюкам на веревке, веревка же тянулась вверх, и ведра ехали туда, покачиваясь и расплескивая свое содержимое.

Люди, которые этим занимались, а было их около десятка, стали дружно ругать Тахмада. Они стояли на ступенях, ведущих от пруда к веревке, и передавали ведра из рук в руки, поэтому были голые и мокрые, только в головных повязках. Тахмад же держался за какую-то выбоину в стене и не знал, что делать дальше. Ему кричали, чтобы он плыл к ступеням, но плавать мы, деревенские, не умеем. Наконец один из голых побежал к нему, бросил ему веревку и помог выбраться. Потом он ловко спустился и достал из воды мешок Тахмада, хотя и с трудом – там всё намокло, и мешок чуть не пошел ко дну.

Мы по узкой тропинке, огибавшей пруд, прошли к ступеням. Если знать, что эта тропинка там есть, то уже не свалишься, по ней можно даже тащить большой мешок.

– Какая злая буря занесла вас сюда? – спросили нас голые люди.

Мы хотели ответить, но в арке недалеко от ступенек появился стражник с факелом.

– Эй, братцы лягушата, никто сюда не забегал? – спросил он.

– Вот, посмотри, – сказали ему голые люди и показали на мокрого Тахмада. – И вбежал, и свалился в пруд, и чуть не утонул! Мы спасли его, и пусть он даст нам за это «ногу»!

– Эй, утопленник, повернись ко мне! – велел стражник.

Делать нечего – Тахмад к нему повернулся. А мы прижались к стене, моля богов, чтобы нас не заметили.

– Он что-то натворил, братец крот? – спросили голые люди. – Тогда забирай его, нам он не нужен.

– Нет, лягушата, ничего он не натворил, это просто какой-то дурень. Он сбил нас с толку, и мы проворонили другого человека, – сказал стражник. – Когда придет ваша смена, ступайте к нам греться!

Мы слушали и сгорали от зависти – как же прекрасно дружат стражники под башней с голыми людьми! Наши стражники в норе на нас только кричали.

Стражник ушел, а мы достали из мешка покрывало и закутали Тахмада.

– Давайте «ногу», – сказали голые люди.

– Дадим, – ответил Левад, – только выведите нас отсюда. Мы хотим уйти из башни, но нас у входа ждут стражники.

– Так это из-за вас ночью был переполох? – догадались голые люди. – Что там случилось?

Мы им рассказали о подлом Халаке Барее и его слугах, Гури и Джири, которые бросили нас на растерзание дерьмовозам.

– Вы дурни деревенские. Вам нужно было знакомиться с теми, кто, как вы, работает много, а получает мало, – сказали голые люди. – И тогда вас бы предупредили о штучках и выдумках подрядчиков. Мы знали, что дерьмовозы получают мало, а они ведь трудятся на самых высоких ярусах. Правда, они работают меньше часов, чем мы или вы. Но это еще не повод платить им мало.

– Разве вы дружите с дерьмовозами? – удивились мы.

– Мы поочередно работаем ночью, потому что им нужна вода – ополаскивать трубы и чаны. Мы не всех знаем в лицо, но по голосам мы их узнаем. Мы, водяные служители, все знаем друг друга сверху донизу. Мы и с разносчиками дружим – с теми, что наверху. Если они платят – мы кладем их товар в ведра, и он попадает наверх быстрее, чем если бы разносчик бежал по лестнице или ехал по норе на самом быстром осле.

Так сказали голые люди, и нам стало грустно. Почему никто не предупредил нас, что нужно обязательно заводить себе друзей в Нашей Башне?

– Что же нам теперь делать? – спросил Тахмад.

– Искать себе покровителя.

– Среди жрецов? Это нам не по средствам, – и тут мы хором вздохнули.

– Нет, в Нашей Башне есть люди, которые служат жрецам и дают им советы. Вам надо их отыскать и рассказать о своей беде.

- А они нас не отдадут стражникам?
- Если ваша история их насмешит, то не отдадут.

Мы удивились – ведь история шестерых деревенских парней, попавших в неприятности, печальна и горестна, а не смешна.

- Где нам искать их, чтобы рассказать нашу историю, добрые люди? – спросили мы.
- Если вы, парни, выйдя из большой норы и спустившись влево по склону, а не по дороге, пройдете с сотню шагов, то увидите ограду и услышите скрип. Там есть дом, примыкающий к Нашей Башне, и при нем двор, а во дворе устройство...
- Что-о-о-о?! – спросили мы. И даже не спросили, а зарычали.
- Вы их знаете?

– Из-за них, бесстыжих лгунов и пустынных скорпионов, мы оказались в теперешнем положении! Разрази Мардук громом и молнией их дом, их головы, их жен и детей, их скот и их огороды, и их проклятую крестовину! – сказал Тахмад, а мы подтвердили: именно так, и пусть это будет поскорее!

– Ну, тогда поступайте как знаете, – сказали голые люди. – Больше мы ничего не можем для вас сделать. И уходите, потому что нам нужно трудиться.

- Скажите, куда нам идти, – попросили мы.
- Сперва дайте две «ноги». Если бы мы с вами прежде поладили, как поладили с дерьмовозами, кухарками и носильщиками, то дорогу мы бы указали бесплатно. И пусть это будет вам уроком, – сказал старший из голых. – Учитесь жить среди людей.

Делать нечего – мы им дали две «ноги», а они сказали:

– Вы пойдете в ту самую арку, из которой вышел стражник, и пройдете, считая, сорок шагов, а потом опуститесь на корточки и быстро-быстро пересечете ту часть коридора, которая видна из помещения стражников. У стражников горят светильники, так что вы не споткнетесь в потемках. Если вас не поймают, то вы через двадцать шагов окажетесь у двери. Толкните ее и выйдете на свежий воздух. Главное – идите прямо и никуда не сворачивайте.

И мы пошли вокруг пруда к арке, а они стали черпать воду и передавать ведра из рук в руки.

Арка была в стене, и перед ней – площадка, как два покрывала, и вода подступала к этой площадке вплотную.

- Хотел бы я знать, откуда берется вода, – пробормотал Гамид.
- По трубам, – ответил Тахмад. – Не льется же она сверху. Не отставай. Я сейчас начну считать шаги.

И тут мы услышали голос.

- Гамид, Гамид, – тихо звал этот голос. – Посмотри на меня, Гамид, только не вопи...
- Голос шел снизу. Мы остановились и разом посмотрели на воду.

А из воды на нас глядело человеческое лицо.

– Тихо, тихо, – произнесли губы. – Не подавайте вида, что заметили меня. Идите в арку. Только пусть Гамид опустится на колени, будто хочет напиться, и протянет мне руку.

- Кто ты? – спросил Тахмад.
- Я Таш. Идите, идите... Тихо, тихо...

Ее действительно было трудно узнать – без полупрозрачного покрывала на волосах, как красная овечья шерсть, и без выложенных на лбу и на щеках завитков.

- За мной, – сказал Тахмад и вошел в арку.

Гамид поступил именно так, как велела Таш, и убедился, что голые люди заняты своими ведрами. Он протянул руку и выдернул Таш из воды, как морковку из грядки. Она сразу же спряталась за его плечом и проскользнула к нам.

– Что ты там делала, несчастная? – спросил Тахмад. – Как ты оказалась в воде? Вообразила себя лягушкой?

– Я прыгнула в воду, спасаясь от стражников, – ответила она. – И мне повезло. Сразу после того как я нырнула, в пруд свалился ты, Тахмад. Стражник, который прибежал, спрашивал про меня, а водоносы решили, будто речь о тебе. И они избавили меня от стражников, да будут легки их ведра и полны кошельки!

– А если бы не я?

– Тогда они бы выдали меня.

– Но зачем тебе прятаться в пруду от стражников? – спросили мы.

– Мне нельзя показываться в Нашей Башне, меня здесь многие знают в лицо.

– А почему нельзя?

– Вы всё еще не поняли? Я переманиваю парней вроде вас из Нашей Башни в Другую Башню! Поэтому мне лучше не попадаться на глаза стражникам. Я делаю доброе дело, а подрядчики хотят и дальше платить вам сущие гроши за работу, которая стоит вдвое дороже.

– Понятно, – сказали мы. – Тогда води нас в Другую Башню. Тут у нас ничего не случилось. Хорошо еще, что мы сумели унести свои вещи.

– Не сразу, – ответила она. – У меня тут еще есть дела.

– Раз уж ты знаешь все ходы в Нашей Башне и вокруг нее, помоги нам выручить Абада. Он убежал, и мы знаем, где его искать, мы только не знаем, как туда попасть. А он может натворить таких дел, что его на всю жизнь бросят в темную яму с гнилой водой. Помоги нам, Таш, найти брата! – взмолились мы.

– Придется, – сказала Таш. – Только дайте мне покрывало, чтобы высушить волосы, а то вода течет по моим ногам, и это очень неприятно.

Покрывало ей дал Гамид из своего мешка. А потом сам ее старательно закутал, да еще с гордым видом.

– Сейчас вы пойдете за мной. Я приведу вас в место, где вы проведете день, и ночью мы отправимся в путь. Но придется сидеть очень тихо. Пошли! – велела Таш.

– А нам дадут поесть? – спросили мы.

– Я что-нибудь придумаю.

– И найдешь Абада?

– И найду Абада.

Мы вздохнули с облегчением. Наконец явился кто-то, знающий, что нам делать дальше. И ничего, что это женщина. Ведь ей поручили переманивать парней мужчины, и это был правильный расчет – сперва парни увлекались ее красивым лицом, а потом уже шли за ней, куда она хотела.

Мы сперва шли, потом пролезали в дыру и пропихивали мешки, потом опять шли, потом протискивались в узкую щель, и Таш все время нас торопила. Наконец мы полезли вверх по ступенькам и открыли дверь в потолке. Через эту дверь, которая очень нас удивила, мы попали в помещение, больше всего похожее на хранилище припасов, какое бывает в харчевнях. Вдоль стен тянулись полки, на полках стояли корзины и ящики. И оттуда же, от полок, шел свет. Наступало утро.

– Как это? – спросили мы.

– Очень просто – там два окна. Сидите здесь и молчите, – шепнула Таш.

– Мы очень хотим есть, – признались мы.

– Я принесу лепешек, ждите. Сядьте-ка лучше на пол и не бродите тут, а то поломаете что-нибудь важное.

Она вышла в дверь, обычную дверь в стене, а мы остались.

– Расстелите покрывала и ложитесь спать, – сказал умный Тахмад. – Мы всю ночь не спали, а следующей ночью мы уйдем к Другой Башне. Нужно отдохнуть.

– Как прикажешь спать на пустой желудок? – спросили мы.

– Как получится.

Мы легли, но благодетельный сон забыл о нас и не являлся. Может, мы бы и заснули, но нам мешал доносившийся снаружи неровный скрип. Поэтому мы перешептывались, строя домыслы, что хранится в тех корзинах и ящиках. Наконец Гамид не выдержал и полез на первую полку.

– В корзине обычные таблички со знаками, – доложил он.

– А в ящике?

– Тоже. Хотя нет, не обычные. Они с дырками.

Гамид показал дырявую табличку и полез глубже. Эти полки были шириной как ложе толстого человека, и он добрался до ящика из второго ряда.

– А тут вообще диковинные таблички, в них много дырок!

– Тише!

Тогда Гамид, раз уж он всё равно оказался у окна, выглянул наружу.

– Ох... – прошептал он. – Тут колдовство! Клянусь язычком Асторет! Призываю все- сильных богов! Великий Ил, покрой нас своей ладонью! Великая Бау, схорони нас меж бедер своих! Колдовство магов, не знающих стыда!..

Он был так перепуган, что и мы заволновались.

– Что ты видишь? – спросил Тахмад.

– Я не могу это видеть, проклятые маги затуманили мне глаза. А боги забыли про нас! Мы разозлили их, когда взялись за черпаки дерьмовозов!

Я никогда не видел Гамида в таком страхе. И я первым полез к нему на полку, чтобы быть с ним рядом в тяжком испытании духа. И я тоже приник к нижнему углу маленького окна.

– О Мардук... – еле выговорил я. – Забери нас отсюда куда-нибудь и исцели...

То, что открылось моим глазам, было настоящим колдовским наваждением.

Я увидел двор, и посреди него – столб, увенчанный круглыми, круглыми, с разнообразными зубьями, которые вращались, соприкасались и вращали друг друга. Я вытянул шею и увидел злополучную крестовину. В нее не был впряжен ни один осел, но она поворачивалась. А миг спустя я понял, каким чудом это делалось.

Крестовину, встав на место осла, крутил Абад.

Он упирался ногами, налегал грудью, и она вертелась даже быстрее, чем от усилий четырех ослов.

– Его околдовали, – шепнул Гамид. – У него отняли человеческий разум и вложили в голову ослиный...

– Что там, Вагад? – спросил Тахмад.

– Я не верю своим глазам, – ответил я.

– Слезайте и дайте мне тоже посмотреть.

Мы слезли с полки, и туда забрался Тахмад. Он уже был готов к тому, чтобы увидеть колдовские дела, но не такие страшные.

Тут вошла Таш с корзиной.

– Каши нет, но лепешки, сыр и вода есть, – сказала она. – Ешьте, непутевые, набирайтесь сил.

– Таш, где Абад? – спросил Тахмад с полки.

– Несчастный, ты зачем туда залез? – ужаснулась она. – Не двигайся, не двигайся!

Она поспешила к Тахмаду, и сама переставила тяжелые корзины, и когда он вылез и уселся на полу, вздохнула с большим облегчением:

– Слава богам, ты ничего не переломал!

– Что это за дырявые таблички? – спросил Левад.

– Это обычные таблички с записями. Вы же видели, как на табличке выдавливают знаки, а потом ее обжигают? Ну вот, эти – точно такие же, только с дыркой, чтобы продевать веревку.

– Но для чего продевать веревку? – спросили мы.

– Не всегда удобно хранить таблички в ящиках и корзинах, – ответила она. – Если какая-то нужна, ищешь ее целый день, потому что нужно вынимать, перекладывать и возвращать на место. А когда они на натянутой веревке, подходишь и быстро передвигаешь их, пока не найдешь нужную.

– Это хорошо придумано, – одобрили мы. – Но у нас беда! Злые духи затмили разум нашему Абаду! Он вместо осла вращает крестовину!

– Как вращает крестовину?

Мы объяснили и предложили посмотреть в окно.

– Я из этого злого духа сделаю то же самое, что богиня Бау из многострадальной черепахи! То, что у него внутри, окажется снаружи! – пообещала Таш. – Сидите тут, я скоро приду! И ешьте! Только оставьте Абаду его часть.

Она быстро вышла.

– Осторожнее с ней, Гамид, – предостерег Тахмад. – Если она умеет снимать колдовские чары, то это опасная женщина.

– Женщина, которая разбирается в колдовстве, не станет удирать от стражников и прыгать в пруд, – возразил Гамид. – Она отнимет их разум, а вернет когда-нибудь потом.

– Ешьте, – сказал Гугуд, вытащив из корзины первые лепешки. – Я голоден, как люди из Кор-Кор-Телля, которые съели свои сандалии.

Мы стали жевать лепешки, закусывая сыром и запивая чистой сладкой водой. При этом мы сожалели о горячей и жирной каше, к которой привыкли в Нашей Башне.

Дверь отворилась, вошел Абад.

– Слава великим богам! – сказали мы. – Ну как? Ты избавлен от чар?

– От каких чар? – спросил он.

– Злой дух вложил в твою голову ослиный разум и заставил тебя вращать крестовину, – объяснили мы. – Ты, наверно, этого не помнишь.

– Это в ваши головы попал ослиный разум, – сказал Абад. – А я знал, что делаю.

– Как это всё получилось? – спросили мы.

– Я выбежал из норы, и боги вели меня, потому что стражники меня не заметили, – начал он. – И я побежал к крестовине, чтобы найти того человека, который толковал про ее святость, и выдернуть у него ноги. Туда как раз привели ослов, чтобы впрячь их, и я спросил погонщика, кто из людей в доме крестовины высок ростом, имеет черную бороду, плохо подстриженную, и длинные тонкие руки, и шурится, словно солнечный свет ему неприятен?

Мы подивились тому, как хорошо он запомнил облик нашего обидчика.

– И что было дальше?

– Погонщик сказал: я знаю его, это господин Амалек Бади. Тогда я сказал: позови его, я должен сказать ему нечто важное.

– Ты солгал? – спросил изумленный Тахмад.

– Да, я солгал, – гордо ответил Абад. – В этой проклятой башне нужно уметь лгать! Иначе в ней жить невозможно!

– Это я должен был первым научиться лгать, – горестно сказал Тахмад. – А научился ты... Как странно раздают великие боги свои дары...

– У меня не было другого выхода, только научиться. Погонщик сказал, чтобы я встал у ворот, потому что люди, ночующие в доме, так рано не встают, но кто-то из них может выйти по нужде, и тогда я обращусь к нему. Боги были благосклонны – действительно, сразу вышел человек, обремененный годами, ему по меньшей мере сорок пять, и у него большая плешь, и живот, как у очень богатого купца, и зад, как два арбуза, и брови, как кусты на утесе, что навис над пропастью. Погонщик сказал: это господин Ровоам Бубу, говори с ним. И он впустил меня во двор, и я подошел и сказал: господин, я приношу жалобу на человека, который обидел моих

друзей, так что мы из-за него попали в беду. Он сказал: говори, несчастный. И я рассказал ему, как мы поклялись скрипом священной крестовины и как оказалось, что она не священная.

– Какой ты отважный, Абад! – похвалили мы с некоторой завистью.

– Он дослушал до конца, – сказал довольный Абад. – И он похвалил меня за то, что я сразу пришел к дому крестовины искать справедливости. Он сожалел, что произошло недоразумение. Крестовина-то и в самом деле священная!

– Как так? – изумились мы.

– А так! Во всем виноват осел! Этот осел, с двумя пятнышками на храпе, самый упрямый и непокорный из всех вавилонских ослов! И он, когда его недавно привели утром во двор, впал в бешенство, и стал лягаться, и лягнул опору священной крестовины! Господин Ровоам сказал: мы ужаснулись! Ведь осел заслуживает за такую провинность не только смерти, а наказания, что хуже смерти. Господин Ровоам сказал: мы думали три дня и три ночи, мы забросили все дела, а ведь мы – помощники жрецов, и наш труд им необходим. И он сказал: мы решили отдать осла дерьмовозам, потому что для животного, служившего священной крестовине, это хуже смерти.

Мы слушали, затаив дыхание.

– Но как ты сам заменил осла? – спросил Тахмад.

– Я сделал это ради вас. Господин Ровоам спросил: что вы будете делать теперь, после ссоры с дерьмовозами и бегства от стражников? Я сказал: не знаем. Тогда он подозвал меня поближе и прошептал прямо в ухо: есть способ помочь вам, несчастные, и призвать милость богов, про него знают немногие, и я его кому попало не выдаю. Я спросил: что за способ? Он ответил: вращать священную крестовину бога Мардука вместо осла, и с каждым оборотом радость богов будет всё больше, и вознаграждение – всё щедрее. Я, конечно, согласился! Меня поставили к крестовине, а господин Ровоам пошел в дом. И вот я всё это время вращал священную крестовину, и боги сжалились – мы нашли друг друга, братья!

– Ешь, – сказал Тахмад, – а мы будем служить тебе.

Он сел на пол, а мы стали ломать лепешки, резать сыр, подавать ему с поклонами и подносить к его губам кувшин с водой.

Таш открыла дверь и остановилась на пороге.

– Что это вы делаете? – спросила она.

– Благодарим нашего брата за то, что он вращал священную крестовину, и боги позволили нам опять найти друг друга, – ответил ей Гамид. – Оказывается, это не было злобным колдовством.

Таш выскочила, и дверь захлопнулась. Мы прислушались.

– Плачет она, что ли? – спросил Левад.

– Кажется, плачет, – ответил Гамид. – Но почему?

– Может, от радости, что всё сложилось хорошо? – предположил Тахмад.

Таш вошла, утирая слезы с глаз.

– Таких как вы, я еще не встречала, – сказала она. – А теперь слушайте. Я уйду и вернусь, когда стемнеет. Весь день вы будете спать. А ночью вам предстоит работа.

– Какая работа может быть ночью? – удивились мы.

– Увидите.

Она ушла, а мы разлеглись на полу. Мы опять были все вместе, и Таш обещала отвести нас к Другой Башне, где нас ждала работа с платой по два «кувшина» в день, а потом – и по три. Наша совесть перед хозяином была чиста: мы прикинули – получалось, что двенадцать циклей каждый из нас уже почти отработал.

Таш вернулась после заката и разбудила нас. Она принесла еще одну корзину с лепешками и сыром.

– Ешьте как следует, – велела она. – А потом собирайтесь.

Мы и поели, и собрались, но ее всё не было. Она появилась ближе к полуночи, одетая так, что стыдно смотреть, – в мужской наряд.

– И нечего таращиться на мои ноги, – сказала она. – Точно такие же, как у всех женщин. Выносите свои мешки во двор.

Потом, когда мы сложили мешки у стены, она велела идти за ней.

– Куда? – спросили мы.

– Увидите.

Она не взяла ни факела, ни даже светильника, но нас выручила луна, слава ее хозяину Сину. Мы шли недолго и оказались возле горы глины и сарая, где ночью стояли наши тачки.

– Сейчас вы откроете двери сарая и возьмете тачки, – сказала Таш. – И погоните их к дому крестовины.

– Зачем? – спросили мы.

– Увидите.

Сарай ночью никто не охранял – в самом деле, кому в такое время могут понадобиться тачки? Мы нашли свои, вытащили их и погнали к дому крестовины, а Таш шла впереди и открыла ворота, чтобы мы могли загнать их во двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.